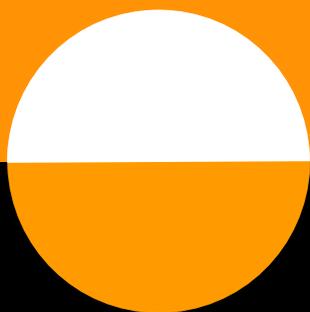

Шри Ауробиндо

**ИСТОЧНИКИ
АРИЙСКОЙ РЕЧИ**

Шри Ауробиндо

ИСТОЧНИКИ АРИЙСКОЙ РЕЧИ

СБОРНИК

Перевод с английского М.Г. Дмитриев

www.aurobindo.ru

Sri Aurobindo

- **The Origins of Arian Speech**
 - **Introductory** // *Sri Aurobindo Birth Centenary Library (SABCL)*.– Volume 10.– Popular edition.– Pondicherry: Sri Aurobindo Ashram, 1971, pp. 551-581.
 - **Chapters I and II** (half of it) // *Sri Aurobindo Birth Centenary Library (SABCL)*.– Volume 27.– Supplement.– De Luxe edition.– Pondicherry: Sri Aurobindo Ashram, 1973, pp. 163-179.
 - **Chapters II and III** // *Sri Aurobindo. Arches and Research*. a biannual journal / Sri Aurobindo Ashram Trust, Pondicherry.– vol.2, April 1978, pp. 58-64.
- **Aryan Origins** // *Sri Aurobindo. Arches and Research*. a biannual journal / Sri Aurobindo Ashram Trust, Pondicherry.– vol.2, December 1978, No 2, pp. 155-156.
- **Word-Formation** // *Sri Aurobindo Birth Centenary Library (SABCL)*.– Volume 11.– Popular edition.– Pondicherry: Sri Aurobindo Ashram, 1971, pp. 503-506.
- **A System of Vedic Psychology** // *Sri Aurobindo Birth Centenary Library (SABCL)*.– Volume 27.– Supplement.– De Luxe edition.– Pondicherry: Sri Aurobindo Ashram, 1973, pp. 180-185.

Шри Ауробиндо

Источники арийской речи: Сборник / Перев. с англ. и составление М.Г. Дмитриева.– Россия: AUROBINDO.RU, 2017.– 105 с.

Сборник включает четыре работы, посвященные рождению и развитию арийских языков (особенно санскрита), а также научной лингвистике и её законам.

Содержание

Предисловие составителя-переводчика	vi
Источники арийской речи	13
Вступление	13
Глава I	57
Глава II	63
Глава III	87
Арийские истоки	92
Формирование слова	95
Система ведической психологии	98

Предисловие составителя-переводчика

Шри Ауробиндо начал изучать языки ещё в раннем детстве. Его первым и «родным» языком стал английский, – таково было решение отца. Французскому и латыни он начал обучаться ещё до школы. В школе св. Павла в Лондоне он продолжил изучать латынь и приступил к греческому. В Кембридже изучение латыни и греческого продолжилось (следует отметить великолепное владение этими языками), к ним прибавились немецкий, итальянский и испанский (на них Шри Ауробиндо читал классические произведения в оригинале), а также санскрит, бенгали и хинди.

Вернувшись в Индию в 1893, Шри Ауробиндо интенсивно изучает языки и литературу Индии, – в первую очередь санскрит и бенгали, а также гуджарати и маратхи (языки штата Барода, где он жил) и хинди. Он читает и переводит тексты на санскрите (в т.ч. Махабхарату, Рамаяну, Калидаса, Гиту, Веду, Упанишады), на бенгали (в т.ч. Банкимчандра¹, Мадхусудхана Датта², средневековых поэтов). В 1910 в Пондичерри начинается знакомство с тамильским (языком тех мест). В *Тайне Веды* Шри Ауробиндо пишет: «...при изучении вокабул тамильского языка, с виду столь чуждого санскритской форме и характеру, я постоянно находил себя, руководствуясь словами или семействами слов, считавшимися чисто тамильскими, в установлении новых взаимосвязей между санскритом и его дальним родственником, латынью или, иногда, между греческим и санскритом. Иногда тамильская вокабула не только внушала такую связь, но демонстрировала пропущенное звено в семействе связанных слов. И именно через этот дравидский язык я впервые пришёл к постижению того, что сейчас кажется мне

¹ Bankim Chandra Chatterji (27.06.1838 – 08.04.1894), бенгальский писатель, поэт, журналист, критик, автор песни “Bande Mataram”.

² Michael Madhusudan Dutt (25.01.1824 – 29.06.1873), популярный бенгальский поэт и драматург.

это писание с его неясным и античным языком, будучи его единственным сохранившимся документом, предлагает уникальные филологические трудности. Уповать полностью на традиционные и зачастую надуманные переводы индийских учёных невозможно ни для какого критического ума. Современная же филология борется за более надёжный и научный базис, но ещё не нашла его»¹.

Примерно в 1912 году Шри Ауробиндо написал одному из своих учеников: «**Шри Кришна показал мне истинное значение Вед,— не только это, он показал мне и новую Науку Филологии, показывая процесс и источники человеческой речи, так что новая Нирукта² может быть сформирована и новая интерпретация Веды, основанная на ней**»³. В марте 1914 Шри Ауробиндо уже напишет: «Веда сейчас приняла ясную форму; началась конкретная интерпретация». Работа была в высшей степени интенсивной: вся Ригведа была прочитана целиком несколько раз, одна только девятая манда́ла в мае 1914 была прочтена за четыре дня; копировались, аннотировались и переводились части и целые манда́лы; группы гимнов переводились или пояснялись по многу раз. Параллельно с этим, с августа 1914, в *Арье* публикуются серии статей *Тайна Веды* и *Гимны Атриев*. Планировалась и серия *Источники арийской речи* с лингвистическими исследованиями – в 1915 году в январском выпуске *Арьи* Шри Ауробиндо пишет: «Я намерен посвятить им отдельную работу “*Источники арийской речи*”⁴. Однако этот план

¹ *The Secret of the Veda. Chapter V. The Philological Method of the Veda* // Arya.– 1. No 6.— January 1915.— p.339.

² Так назывался фундаментальный труд Яски, содержащий ведийский вокабулярий с этимологическими пояснениями.

³ SABCL, 27 т., с. 433

⁴ *The Secret of the Veda. Chapter V. The Philological Method of the Veda* // Arya.– 1. No 6.— January 1915.— p.342.

не был осуществлён¹, и до нас дошли лишь разрозненные рукописи, не детальное исследование, одним из итогов которого была бы новая Нирукта, полный и подлинный лексикон, применимый к Ригведе и являющий как экзотерические, так и эзотерические значения вокабул. Но оставив на будущее вопрос скрупулёзного научного исследования, призванного доказать или обосновать выдвинутые в этих рукописях идеи², уже сейчас мы можем принять их *a priori* как истину, как **śrutī** – свет, брошенный Шри Кришной и Шри Ауробиндо на предмет, уже сейчас мы можем взять в свои руки эту часть ключа³ к Тайне Веды и использовать её по назначению.

До нас дошли три рукописи с набросками для работы *Источники арийской речи*. Первая из рукописей содержала введение, напечатанное трижды в сборнике *Тайна Веды*⁴. Две другие рукописи, записанные в две тетради примерно в 1913, содержали три первых

¹ Возможно, из-за нехватки времени, возможно, потому что изучение Веды выходило на первую роль, а изучение языка могло постепенно смещаться на службу первому, – именно это произошло и с другим предметом, с вопросом об арийских и дравидских расах: «гораздо интереснее для меня было обнаружение значительного корпуса глубокой психологической мысли и опыта, лежащих заброшенными в этих античных гимнах» (*Тайна Веды*).

² В *Формировании слова* Шри Ауробиндо пишет: «... цель этой работы носит лишь суггестивный и конструктивный, не апологетический характер».

³ Действительно, филология может дать нам лишь часть ключа, не весь ключ: не стоит забывать, что Риши скрывали эзотерический смысл Веды от своих современников, владевших ведийским языком не хуже самих Риши. Так что часть ключа, который даёт нам лингвистический базис, должна быть соединена с другой его частью, – со знанием алгоритма, которым Риши «шифровали» тайное значение Веды, с верным методом её психологической интерпретации, которому посвящена работа *Тайна Веды*.

⁴ В 1956 и 1964 в Приложении в сборнике *Тайны Веды* и затем, в 1971, глава вошла в 10-й том SABCL. При издании 37-томного CWSA это *Введение* не вошло в 15 том *Тайна Веды*, – оно ожидается в 14 томе *Vedic Studies with Writings on Philology*.

главы. Первая тетрадь включала первую и часть второй главы; они были опубликованы в 1973 году в 27 томе SABCL, стр. 161-179. Вторая тетрадь (содержавшая окончание второй главы и часть третьей) оставалась незамеченной вплоть до её публикации в 1978 в *Archives and Research* (vol. 2, April 1978, pp. 58-64). Текст всех этих трёх рукописей был включён в данный сборник под общим заглавием *Источники арийской речи*.

Помимо набросков к *Источникам арийской речи* были опубликованы черновики нескольких других работ, также посвящённых лингвистическим исследованиям. Из них в этот сборник были включены наброски к трём таким работам:

- (1) *Арийские истоки: элементарные корни языка*¹,
- (2) *Формирование слова*²,
- (3) *Система Ведической психологии*³.

Издатели датируют *Арийские истоки* 1910-1914 годами, однако, судя по содержанию, эти наброски были написаны до *Источников арийской речи*, т.е. примерно в 1910-1912.

Черновик *Формирование слова* тоже, вероятно, относится к тому же периоду (1910-1912) и был записан раньше, чем *Источники арийской речи*. Он находился в одном из двух толстых гроссбухов, использовавшихся одними из первых в Пондичерри для записей. Этот гроссбух был надписан: «Origines Arycae. Material for a full philological reconstruction of the old Aryabhasha

¹ *Aryan Origins: The Elementary Roots of Language* // Sri Aurobindo. *Arches and Research: a biannual journal* / Sri Aurobindo Ashram Trust, Pondicherry.– vol.2, December 1978, No 2, pp. 155-156.

² Текст опубликован под заголовком «*Word-Formation*» в Sri Aurobindo Birth Centenary Library (SABCL).– Volume 11.– Popular edition.– Pondicherry: Sri Aurobindo Ashram, 1971, pp. 503-506.

³ *A System of Vedic Psychology* // Sri Aurobindo Birth Centenary Library (SABCL).– Volume 27.– Supplement.– De Luxe edition.– Pondicherry: Sri Aurobindo Ashram, 1973, pp. 180-185.

from which the Indo Aryan and Dravidian languages are all derived». Оригинальное название было изменено редакторами, очевидно, потому, что работа была далека от завершения и заявленная в оригинальном названии тема («Арийские источники. Материал для полной филологической реконструкции древнего арьябхашы¹, из которого все индо-арийские и дравидские языки произошли) не была раскрыта, так что редакторы сочли уместным в своём заглавии объявить более узкую тему.

Набросок *Система Ведической психологии*, если судить по его содержанию, появился незадолго до *Тайны Вед*, т.е. до августа 1914. Большинство его линий были использованы в *Тайне Вед*, однако центральная (по заявленной теме и по своему значению) линия *Системы Ведической психологии*, а именно психологический метод Риши, осталась незавершённой.

До сих пор² неопубликованными остаются тексты сотен тетрадей и многочисленных заметок на отдельных листах, в т.ч. тематические списки, систематизирующие материал: санскритский алфавит, имена ведийских богов, санскритские слова и др.

Наброски к работам, размещённые в данном сборнике, не были готовы для публикации. Поэтому переводчик взял на себя смелость добавить в сносках ряд справок, уточнений, пояснений и комментариев. При написании этих примечаний были использованы многочисленные словари и справочники, а также:

- (1) **Елизаренкова Т.Я.** *Ведийский язык* / АН СССР, Ин-т востоковедения.– М: Наука. 1987.– 182 с.
- (2) **Зализняк А.А.** *Грамматический очерк санскрита* // Кочергина В.А. Санскритско-русский словарь / Под ред. В. И. Кальянова,– 2-е изд.– М: Русский язык, 1987, с. 785-895.

¹ (*ārya bhāṣā*, आर्य भाषा), буквально «арийский разговорный язык».

² 14-й том CWSA, *Vedic Studies with Writings on Philology*, пока не издан.

- (3) **Кочергина В.А.** *Учебник санскрита: Учебник для высших учебных заведений.*– М.: Филология, 1994. – 336 с.

Чтобы отличить примечания Шри Ауробиндо, редакторов к английским изданиям и составителя-переводчика данного тома, все они помечались в конце сноски соответствующим маркером:

- (1) [*Примечание Шри Ауробиндо*];
- (2) [*Прим. редакторов англ. издания*];
- (3) – Перев.

Изредка для большей связности русского текста переводчик добавлял короткие фразы или оставлял в тексте оригинальное английское слово. Эти вставки заключались в квадратные скобки и выделялись курсивом.

Источники арийской речи

Вступление

Среди многих обещающих начал, которым девятнадцатый век был свидетелем, ни одно, вероятно, ни приветствовалось миром культуры и науки с бóльшим пылом, чем триумфальный дебют Сравнительной Филологии. Ни одно, вероятно, не принесло больше разочарований в своих результатах. Филологи, действительно, высоко оценили это направление изучения, – в чём нет ничего удивительного, несмотря на все его дефекты, – и настаивали на том, чтобы присвоить ему титул Науки; но у учёных имеется очень разное мнение на этот счёт. В Германии, в самой столице и Науки, и филологии, слово филология стало пренебрежительным термином разочарования, а филологи не находятся в той позиции, когда они могут защищаться. Физическая Наука следовала самым здоровым и самым скрупулёзным методам и произвела массу неоспоримых результатов, которые по своим размерам и далеко идущим последствиям произвели революцию в мире и справедливо дали эпохе своего развития титул чудесного века. Сравнительная Филология едва ли продвинулась на шаг дальше своих начал; всё прочее оказалось массой предположительного и изобретательного изучения, блеск которого равен лишь неопределённости и ненадёжности. Даже такой великий филолог, как Ренан, был вынужден в конце своей карьеры, начинавшейся с таких безграничных надежд, оправдываться за «маленькие предположительные науки», которым он посвятил энергии своей жизни. В начале филологических исследований века, когда был открыт санскритский язык, когда Макс Мюллер ликовал в своей фатальной формуле “**pitā, patēr, pater, vater, father**”, Наука Языка, казалось, была в точке само-откровения; – в результате векового труда мыслителями может быть объявлено, что сама идея Науки Языка является химерой! Без сомнения, аргументы против

Сравнительной Филологии были преувеличены. Если она и не обнаружила Науку Языка, она, по крайней мере, смелá существование фантастической, произвольной и почти незаконной Этимологии наших праотцов. Она дала нам более справедливые представления об отношениях и истории сохранившихся языков и процессах, которыми старые языки выродились в те обломки, из которых новые формы речи формируют себя. Превыше всего, она дала нам прочно установленное представление, что наши изучения языка должны быть поиском правил и законов, а не свободными и беспрепятственными скачка́ми среди индивидуальных дериваций. Был подготовлен путь; многие трудности были убраны с нашей дороги. И всё же научная филология не существует; и в гораздо меньшей степени имело место какое-либо реальное приближение к обнаружению Науки Языка.

Следует ли из этого, что Наука Языка не может быть обнаружена? В Индии, по крайней мере, с её великими психологическими системами, восходящими к самой отдалённой доисторической античности, мы не можем с лёгкостью поверить, что регулярные и систематические процессы Природы не лежат в основе всех феноменов звука и речи. Европейская филология пропустила дорогу к истине, потому что излишний энтузиазм и пылкая поспешность в том, чтобы уловить и преувеличить несовершенные, второстепенные и часто ведущие в неверных направлениях формулы, вовлекли её на боковые дорожки, которые не ведут к месту отдыха; но где-то дорога существует. Если она существует, она может быть найдена. Нужен один лишь правильный ключ и свобода ума, который может последовать ему, не стеснённый предрасположенностями и не останавливаемый ортодоксиями учёных. Превыше всего, если наука филологии должна перестать фигурировать среди маленьких предположительных наук, к которым даже Ренан был вынужден её отнести, – а предположительная наука означает псевдонауку, поскольку фиксированные, здравые и поддающиеся проверке основы и методы, независимые от

предположения, являются предварительными условиями Науки,— тогда привычка поспешного обобщения, лёгких и самоуверенных выводов, погони за простой изобретательностью и довольствования любопытной и научной спекуляцией, которые являются ловушками словесной учёности, должны неизменно отвергаться и бросаться в мусорную корзину человечества; теперь, когда мы вышли из детства, они, некогда лежавшие среди нужных игрушек, должны быть убраны в соответствующий чулан. Там, где нет достаточного свидетельства или равной вероятности в конфликтующих решениях, Наука допускает предположительные гипотезы как шаг к открытию. Но злоупотребление этой уступкой нашему человеческому неведению, привычка выдвигать безосновательные предположения как уверенные достижения знания является курсом филологии. Наука, которая на девять десятых является предположительной, не имеет права на этой стадии человеческого марша заноситься или стремиться навязать себя уму расы. Её правильной позицией является скромность, её главным занятием является стремление всё время искать более надёжные основания и лучшие оправдания для своего существования.

Поиск такого более здравого и надёжного основания является целью этой работы. Чтобы эта попытка могла быть успешной, необходимо сперва понять ошибки, допущенные в прошлом, и избегать их. Первой ошибкой, допущенной филологами после их важнейшего обнаружения санскритского языка было преувеличение важности своих первых поверхностных открытий. Первый взгляд склонен к тому, чтобы быть поверхностным; впечатления, полученные при первичном осмотре, всегда нуждаются в коррекции. Если, тогда, мы настолько ослеплены и увлечены ими, чтобы делать их самим ключом нашего будущего знания, его центральной опорой, его базовой платформой, мы готовим себе горькое разочарование. Сравнительная Филология, виновная в этом заблуждении, схватилась за второстепенный ключ и приняла его по ошибке за важный или главный ключ. Когда Макс Мюллер торжественно

объявил миру в его привлекательных исследованиях великое сближение, **pitā, pater, patēr, vater, father**, он подготавливал банкротство новой науки; он уводил её от истинных ключей, более широких перспектив, что лежали дальше. Самые экстраординарные и впечатляюще необоснованные структуры были воздвигнуты на узком базисе этой неудачной формулы. Во-первых, было [осуществлено] тщательно проработанное разделение цивилизованного человечества на арийские, семитские, дравидские и урало-алтайские расы, основанное на филологической классификации древних и современных языков. Более осмысленное и внимательное размышление показало бы нам, что сообщество языков не является доказательством сообщества крови или этнологической идентичности; французы не являются латинской расой оттого, что они говорят на испорченной и назализированной латыни, также и болгары не являются славянами по своей крови оттого, что финно-угорские расы¹ были полностью славянизированы в цивилизации и языке. Научные исследования иного рода подтвердили этот полезный и своевременный отказ. Филологи, например, разделили на основании лингвистических различий индийскую национальность на северную арийскую расу и южную дравидскую, но здоровое наблюдение показывает единый физический тип со второстепенными вариациями, занимающий всю Индию, от Коморина мыса до Афганистана. Язык поэтому был дискредитирован как этнографический фактор. Расы Индии могут

¹ Здесь вкралась неточность: (1) болгары не относятся финно-угорским народам; (2) они отчасти всё же являются славянами по крови, поскольку среди их предков были славянские племена смолян и тимочан, наряду с булгарами (тюрки) и струмянами (фракийское племя). Тем не менее, аргумент от этого не страдает и для его иллюстрации мы можем взять, например, поволжских немцев (или какую то другую не-русскую нацию на территории бывшего СССР), которые не стали русскими оттого, что говорят на русском.— Перев.

быть чистыми дравидами, если, действительно, такая сущность, как дравидская раса существует или когда-либо существовала, или они могут быть чистыми арийцами, если, действительно, такая сущность, как арийская раса существует или когда-либо существовала, или они могут быть смешанной расой с преобладанием какой-либо крови, но в любом случае лингвистическое разделение языков Индии на санскрит и тамильский ничего не значит в этой проблеме. Всё же, так велика сила притягательных обобщений и широко распространённых заблуждений, что весь мир продолжает, увековечивая это заблуждение, говорить о индоевропейских расах, признавая или отрицая арийское родство и возводя на этом базисе лжи самые далеко идущие политические, социальные или псевдонаучные выводы.

Но если язык не является таким здоровым фактором этнологического исследования, он может быть выдвинут как доказательство общей цивилизации и использоваться как полезный и заслуживающий доверия гид к феноменам ранних цивилизаций. Огромными, самыми изобретательными, самыми старательными были усилия извлечь из значений слов картину ранней арийской цивилизации, предшествующей рассеиванию их племён. Ведическое изучение было построено на этой предположительной науке филологии, на блестяще изобретательной и привлекательной, но всецело предположительной и недостоверной интерпретации Вед, замечательной, детальной и пленяющей картине ранней полуварварской арийской цивилизации в Индии. Насколько высока ценность этих ослепительных структур? Ни насколько, ибо они не имеют уверенного научного базиса. Они могут быть истинными и продолжаться, они могут быть отчасти истинными, однако требовать серьезной модификации, они могут быть всецело ложными и никакого следа от них не останется в окончательном заключении человеческого знания о предмете; у нас нет средств, чтобы сделать выбор между тремя этими возможностями. Ныне утвердившийся перевод Веды, который царит до настоящего времени, потому что он

никогда не был критически и детально проэкзаменован, без сомнения, будет скоро поставлен под сомнение и мощно атакован. Одного можно с уверенностью ожидать, что даже если Индия и была когда-либо оккупирована, колонизована или цивилизована северными поклонниками Солнца и Огня, всё же будет доказано, что картина этого вторжения, богато расписанная учёными-филологами из [их прочтения] Ригведы, является современной легендой, а не древней историей, и даже если полуварварская арийская цивилизация существовала в Индии в древние времена, эти поразительно тщательно проработанные современные описания ведической Индии окажутся филологическим миражом и фантазмагорией. Более широкий вопрос о ранней арийской цивилизации должен быть равно отложен, пока мы не будем иметь более надёжные материалы. Современная теория является всецело иллюзорной, ибо она допускает, что общие выражения [в языке] подразумевают общую цивилизацию, предположение, которое грешит и чрезмерностью, и недостаточностью. Оно грешит чрезмерностью, ибо нельзя не спорить с тем, что, например, поскольку римляне и индийцы имели общие названия для определённой утвари, то этой утварью их предки владели совместно до их разделения. Прежде, [чем делать такой вывод,] мы должны знать историю контактов между предками этих двух рас; мы должны быть уверены, что бытующее римское слово не заместило оригинальный латинский термин, которым индийцы не владели; мы должны быть уверены, что римляне не получили этот термин трансмиссией от грека или кельта без какой-либо идентичности, связи или контакта с нашими арийскими праотцами; мы должны иметь доказательства относительно массы других возможных решений, которые филология не может предоставить, ни гарантированно отвергающих, ни подтверждающих их. Индийское слово **suraṅga**, туннель, считается, является греческим **surinx**. Мы не можем, поэтому, не спорить с тем, что греки и индийцы владели общим искусством туннелестроения до их рассредоточения, или же

что индийцы, которые позаимствовали слово из Греции, никогда не знали, чем подземное рытье может быть, пока они не научились этому у македонских инженеров. Бенгальский термин для телескопа – **durbīn**, слово не европейского происхождения. Мы не можем сделать вывод, что бенгальцы изобрели телескоп независимо до их контактов с европейцами. Всё же, следуя принципам, которыми филологи, похоже, руководствуются в их предположительных реставрациях исчезнувших культур, именно к этим выводам мы и должны прийти. Здесь мы имеем знание исторических фактов, чтобы скорректировать наши спекуляции; но доисторические эпохи не защищены подобным образом. Исторических данных совершенно не достаёт и мы оставлены на милость слов и их вводящих в заблуждение указаний. Но небольшого размышления над превратностями языков и особенно некоторого изучения определённых лингвистических феноменов, созданных в Индии влиянием английского на наши литературные языки, первого натиска, с которым английские слова пытались вытеснить их собой в разговорном и письменном, даже в обычных местных терминах, и реакции, в которой эти языки сейчас находят новые санскритские термины, чтобы выразить новые концепции, введённые европейцами, будет достаточно, чтобы доказать любому думающему разуму, насколько поспешны послышки этих филологов-реставраторов культур и насколько чрезмерны и ненадёжны их выводы. Они грешат не одной только чрезмерностью, но и недостаточностью. Они последовательно игнорируют тот очевидный факт, что в доисторические и долитературные времена словарный состав примитивных языков должен был варьировать от века к веку до такой степени, которую мы с нашими представлениями о языке, полученными из классических и современных литературных языков, едва ли можем себе представить. Это, я полагаю, установленный факт антропологии, что многие варварские языки меняли свой словарный состав почти от поколения к поколению. Поэтому орудия цивилизации и культурные идеи, – для которых даже у двух арийских

языков, вполне возможно, не было общего названия,— могли находиться в общем употреблении до их разделения, после которого каждый из [*этих арийских языков*] мог отвергнуть общий оригинальный термин ради неологизма собственного производства. Это сохранение общих терминов, а не их исчезновение, является чудом языка.

Я исключаю поэтому, и исключаю справедливо, из владений филологии, как я понимаю её, все этнологические выводы, все умозаключения, сделанные на основании слов, в отношении культуры и цивилизации людей или рас, которые их использовали, как бы соблазнительны ни были эти спекуляции, как бы привлекательны, интересны и вероятны ни были эти выводы, которые искушают нас в ходе нашего изучения. Филологу нечего делать с этнологией. Филологу нечего делать с социологией, антропологией и археологией. Его единственным делом является или должна быть работа с историей слов и с ассоциацией идей со звуковыми формами, которые представляют их. Но строгим ограничением себя этой областью, самоотречением, с которым он сторонится всех нерелевантных отвлечений и удовольствий на его в чём-то сухом и пыльной пути, он увеличит свою концентрацию на своей собственной надлежащей работе и избежит соблазнов, которые могут увести его от великих открытий, ожидающих человечество на этом мало изученном тракте знания.

Но сходства языков друг с другом являются, по меньшей мере, надлежащим полем для труда филологии. Тем не менее, даже здесь, я вынужден признать, учёность Европы совершила ошибку, поставив этот предмет изучения на первые места среди целей филологии. Действительно ли мы вполне уверены, что знаем, что образует общность или несхожесть источника между двумя разными языками — столь различными, например, как латынь и санскрит, санскрит и тамильский, тамильский и латынь? Латынь, греческий и санскрит, считается, являются родственными арийскими языками, тамильский ставится отдельно, как принадлежащий другому, дравидскому

источнику. Если мы поинтересуемся, на каком основании это обособленное и противоположное обращение основывается, мы обнаружим, что общность источника, предполагается, базируется на двух главных фундаментах, на общем корпусе обычных и знакомых терминов и на значительной общности грамматических форм и употреблений. Мы возвращаемся к инициальной формуле, **pitā, patēr, pater, vater, father**. Какой другой тест, можно спросить, может быть найден для определения лингвистического родства? Возможно, никакого, но немного бесстрастного рассмотрения даст нам, мне кажется, почву, чтобы сделать паузу и подумать, очень долго и серьёзно, прежде чем мы будем классифицировать языки слишком самоуверенно на этом незначительном основании. Простое обладание значительным корпусом общих терминов является, как это признаётся, недостаточным, чтобы установить родство; это не может свидетельствовать о чём-то большем, нежели о контактах или сосуществовании. Тамильский имеет значительный корпус санскритских слов в своём богатом вокабулярии, но он не становится от этого санскритским языком. Общими терминами могут быть те, которые выражают обычные и знакомые идеи и объекты, такие как семейные отношения, числа, местоимения, небесные тела, идеи бытия, обладания и т.д., – те термины, которые наиболее обычны в устах людей, особенно примитивных людей, и должны ли мы поэтому сказать, что они менее всего предрасположены к вариации? На санскрите к отцу обращаются **pitar**, на греческом – **patēr**, на латыни – **pater**, но на тамильском – **appā**; санскрит использует, обращаясь к матери, – **mātar**, греческий – **mēter**, латинский – **mater**, но тамильский – **ammā**; для числа семь санскрит использует **saptan** или **sapta**, греческий – **hepta**, латынь – **septa**, но тамильский – **eḷu**; для первого лица санскрит использует **aham**, греческий – **egō** или **egōn**, латынь – **ego**, но тамильский – **nān**; для солнца санскрит использует **sūra** или **sūrya**, греческий – **helios**, латынь – **sol**, но тамильский – **ñāyir**; для идеи бытия санскрит имеет **as, asmi**, греческий – **einai** и **eimi**, латынь – **esse** и **sum**, но тамильский – **iru**.

Базис дифференциации, тогда, появляется с поразительной ясностью. В этом нет сомнения. Санскрит, греческий и латынь принадлежат одному языковому семейству, которое мы можем назвать условно арийским или индоевропейским, тамильский – к другому, которому мы не можем дать более удобного термина, чем дравидский.

Пока всё хорошо. Мы, похоже, стоим на твёрдой почве, владеем правилом, которое может быть применено с чем-то подобным научной точности. Но когда мы проходим немного дальше, приятная картина немного омрачается, туманы сомнения начинают вползать в наше поле зрения. Мы имеем отца и мать; но существуют и другие семейные отношения. В отношении хозяйской дочери, первой доярки, арийские [языки-]сёстры проявляют первые признаки духа несогласия. Санскритский отец адресуется к ней в ортодоксальной манере – **duhitar**, о доярка; греческие, как и немецкие и английские родители используют **thugather**, **tochter**, и **daughter**¹, но латынь отвергает пасторальные идеи, не зная ничего о **duhitā**, и использует слово **filia**, которое не имеет убедительной связи с молочным ведром и не связано ни с одним из вариантов для дочери в родственных языках. Была ли, тогда, латынь смешанным языком, пришедшим от не-арийского ствола из-за её концепции дочеринства? Но это только одна и незначительная вариация. Мы идём дальше и находим, когда приходим к слову сын, что эти арийские языки безнадежно различаются и отказываются от всякой видимости единства. Санскрит говорит **putra**, греческий – **huios**, латынь – **filius**, три языка используют три слова, лишённые взаимосвязи. Мы не можем, действительно, прийти к выводу, что эти языки были арийскими в их

¹ Старо-английское **dohtor**, от прото-германского **dokhter**, ранее **dhukter** (являющегося также источником старо-саксонского **dohtar**, старо-исландского **dotfir**, старо-французского и голландского **dochter**, немецкого **Tochter**, готского **dauhtar**). – Перев.

концепции отцовства и материнства, но что сыновность является дравидской концепцией, – как архитектура, монизм и большинство других цивилизованных концепций, согласно некоторым современным авторитетам; ибо санскрит имеет литературный термин для ребёнка или сына, **sūnuḥ**, с которым мы можем связать немецкое **sohn**, английское **son**, и более отдалённо греческое **huios**. Мы объясняем различие тогда, предполагая, что эти три языка владели оригинальным общим термином для сына, возможно, **sūnu**, который был отброшен многими из них, по крайней мере в разговорном языке; санскрит отослал его к языку высокой литературы, греческий принял другую форму от того же корня, латынь утратила его полностью и заменила его на **filius**, как она заменила **duhitā** на **filia**. Такого рода текучесть в обыкновеннейших терминах, похоже, была общей – греческий утратил своё оригинальное слово для брата, **phrator**, которое его языки-родственники сохранили, и заменил его на **adelphos**¹, для которого они не имеют соответствий; санскрит отверг общее слово для числа один, **unus**, **ein**, **one**, и заменил его словом **eka**, не известным ни одному другому арийскому языку; все разнятся в случае личного местоимения третьего лица; для луны греческий имеет **selene**, латынь – **luna**, санскритское слово – **candra**. Но когда мы признаём эти факты, очень важная часть нашего научного базиса ослабевает и величественное сооружение начинает рассыпаться. Ибо мы возвращаемся к тому фатальному факту, что даже в наиболее общих терминах древние языки имеют тенденцию утрачивать свой оригинальный вокабуляр и расходятся так, что если бы этот процесс не был остановлен ранней литературой, всякое очевидное доказательство родства вполне могло бы исчезнуть. Это только случай ранней и непрерывной санскритской литературы дал нам возможность установить оригинальное единство арийских языков.

¹ Брат (греч.), букв. – «того же лона». – Перев.

Если бы не древние санскритские писания, если бы выжили только вокабулы обычного разговорного санскрита, кто мог бы быть уверен в этих связях? или кто мог бы уверенно увязать разговорный бенгали, с его обычными семейными терминами, с латынью со сколько-нибудь большей определённости, чем телугу или тамильский? Как тогда мы можем быть уверены, что диссонанс самого тамильского с арийскими языками не вызван ранним отделением и экстенсивной заменой его вокабулярия во время его долитературных эпох? Я могу, на более поздней стадии этого исследования, предоставить некоторую почву для предположения, что тамильские числа были ранними арийскими вокабулами, отвергнутыми санскритом, но ещё могущими быть отслеженными в Веде или рассеянными и вкрапленными в разные арийские языки, и что тамильские местоимения схожи с примитивными арийскими отымёнными, следы которых ещё остаются в античных языках. Я смогу показать также, что обширное семейство слов, которые считались чисто тамильскими, идентичны в массе, хотя и не по отдельности, с арийским семейством. Но тогда мы логически приходим к выводу, что отсутствие общих вокабул для общих идей и объектов не обязательно является доказательством разного источника. Различие грамматических форм? Но уверены ли мы, что тамильские формы не являются в равной мере старыми арийскими формами, испорченными, но сохранёнными ранней расплывчатостью тамильского диалекта? Некоторые из них разделяют общность с современными арийскими диалектами, но не известны санскриту, и отсюда некоторые даже сделали вывод, что арийские диалекты были оригинально не-арийскими языками, лингвистически пересиленными иностранным вторжением. Но если так, в какую трясину неопределённости мы попадаем? Наша тень научного базиса, наша фиксированная классификация языковых семейств исчезает в изменчивых вестибюлях несуществования.

Но это ещё не всё разрушение, производимое более зрелым рассмотрением в установленной теории филологов. Мы нашли

значительное различие между тамильскими общими терминами и терминами, общими для «арийских» диалектов; но давайте взглянемся немного пристальнее в эти различия. Тамильское слово для отца, **appā**, не **pitā**; здесь нет соответствующего слова в санскрите, но мы имеем то, что можно назвать реверсом слова в **apatyam**, сыне, в **aptyam**, потомстве, и **apna**, потомстве. Три этих слова ясно указывают на санскритский корень **ap**, производить или создавать, чему могут быть найдены другие многочисленные свидетельства. Что мешает нам тогда предположить, что **appā**, отец, является тамильской формой древнего арийского активного производного от этого корня, соответствующего пассивному производному **apatyam**? Мать на тамильском – это **ammā**, не **mātā**; в санскрите нет слова **ammā**, но есть хорошо известная санскритская вокабула **ambā**, мать. Что мешает нам понимать тамильское **ammā** как арийскую форму, эквивалентную вокабуле **ambā**, произошедшей от корня **amb**, производить, который даёт нам **amba** и **ambaka**, отец, **ambā**, **ambikā** и **ambi**, мать, и **ambañṣa**, жеребёнок или молодое животное. **Sodara**¹, литературное санскритское слово, является обычным разговорным термином в тамильском для брата и замещает северное обычное слово **bhāi** и классическое **bhrātā**. **Akkā**, санскритское слово со множеством вариантов, является разговорным термином в тамильском для старшей сестры. Во всех этих случаях вышедший из употребления или литературный термин в санскрите является обычным разговорным термином в тамильском, точно также, так литературный санскритский термин **sūnuḥ** появляется в разговорном немецком **sohn** и английском **son**, устаревшее и безусловно литературное арийское **adalbha**, неразделённый, появляется в разговорном греческом **adelphos**. Какой вывод мы должны сделать из этих и массы других примеров, которые будут приведены позднее в этой работе? Что тамильский является

¹ «Рождённый от того же лона», брат (санскр.). – Перев.

арийским диалектом, как греческий и немецкий? Безусловно, нет, – свидетельств недостаточно; но [*мы вполне можем сделать вывод,*] что для не-арийского языка возможно обширно и свободно заместить арийскими вокабулами свои самые обычные и знакомые термины и утратить свои собственные родные выражения. Но тогда неумолимая логика снова приводит нас к выводу, что точно так же, как отсутствие общего вокабулярия для общих и семейных терминов не является надёжным доказательством разнящихся источников, точно так же наличие почти идентичного вокабулярия для этих терминов не является надёжным доказательством общего источника. Эти вещи доказывают, самое большее, тесный контакт или обособленное развитие; они не доказывают и сами по себе не могут доказать ничего более. Но на каком базисе тогда мы проводим различие и классифицируем различные языковые семейства? Можем ли мы позитивно сказать, что тамильский является не-арийским, или что греческий, латынь и немецкий являются арийскими языками? Из указаний грамматических форм и использования, из общего впечатления, созданного различием или идентичностью вокабул, унаследованных языками, которые мы сравниваем? Но первое – слишком недостаточный и недоказательный, второе – слишком эмпиричный, неуверенный и ненадёжный тест; оба противоположны научному, оба, как покажет рассмотрение, могут ввести нас в обширнейшие и самые радикальные заблуждения. Чем делать вывод на таком принципе, лучше воздержаться от всяких выводов и повернуться к более основательной и полезной инициальной работе.

Я заключаю, что слишком рано в истории филологического исследования мы сделали ещё слишком грубое и недостаточное основание, чтобы возводить на нём надстройку научных законов и научных классификаций. Мы не можем ещё достичь здоровой и определённой классификации человеческих языков, сохранившихся в речи, письме или литературе. Мы должны признать, что наши разделения являются популярными, не научными, основанными на поверхностных сходствах, не на единственно здоровом фундаменте

науки, изучении различных родов в их развитии от эмбриона до законченной формы или, не имея достаточно материала, на обратном изучении, следующим назад от законченной формы к эмбриональной и докапывающимся до скрытых оригинальных эмбрионов языка. Упрёк настоящего учёного, адресованный маленькой предположительной псевдонауке филологии, справедлив; чтобы избежать его, следует принять более здравый метод и согласиться на более великое самоотречение, отказавшись от блестящих поверхностных вещей, вооружиться более скрупулёзной, скептической и терпеливой системой исследования. В настоящей работе я отказываюсь, поэтому, каким бы привлекательным ни был соблазн, какими бы верными ни казались поверхностному изучению факты, от всякой попытки спекулировать на тему идентичности или взаимоотношений разных языков, от свидетельства филологии о характере и истории примитивных человеческих цивилизаций или о каком-либо ином предмете, не находящемся строго внутри четырёх стен моего предмета изучения. Этим предметом является источник, рост и развитие человеческого языка, как это показывает нам эмбриология языка, обычно называемого санскритом, и трёх античных языков, два из которых мертвы, а один жив, которые явно вступали, по крайней мере, в контакт с ним, латыни, греческого и тамильского. Для удобства я назвал свою работу «Источники арийской речи»; но хотелось бы ясного понимания, что использованием этого знакомого эпитета я ни на миг не предполагал выражать какое-либо мнение ни касательно взаимоотношений этих четырёх языков, включённых в моё исследование, ни расового источника народов, говорящих на них, ни даже этнических истоков народов, говорящих на санскрите. Мне также не хочется использовать слово санскрит,— и потому что это — термин, означающий лишь отшлифованный или исправленный литературный язык древней Индии в отличие от разговорного, используемого женщинами и простолюдинами, и потому что мой охват несколько шире классического языка северных индусов. Я основываю свои

выводы на свидетельстве санскритского языка, дополненного теми частями греческого, латыни и тамильского языков, которые родственны словесным семействам санскрита, и под источниками арийской речи я подразумеваю, собственно, источники человеческой речи как используемой и развиваемой теми, кто формировал эти словесные семейства, их стволы и их ответвления. Значение слова «арийский», как я использую его, не идёт дальше этого.

В таком исследовании очевидно, что необходима своего рода наука лингвистической эмбриологии. Другими словами, это только в пропорции с тем, в какой степени мы отходим от привычек, представлений и внешних фактов сформированной человеческой речи в её использовании современными и цивилизованными людьми, только в пропорции с тем, в какой степени мы приближаемся к первым корням и зачаткам структуры более древних и примитивных языков, мы получаем шанс сделать действительно плодотворные открытия. Точно также как из изучения сформированного внешнего человека, животного, растения великие истины эволюции не могут быть обнаружены или, если обнаружены, прочно зафиксированы,— точно также только возвращением от сформированного создания к его скелету и от скелета к эмбриону может быть установлена великая истина, что великая ведантическая формула справедлива как в материи,— истина мира, сформированного развитием многих форм из одного семени по воле универсального Сущего, **ekaṃ bījaṃ bahudhā yaḥ karoti**,— так и в языке; если источник и единство человеческой речи могут быть найдены и установлены, если можно показать, что её развитие управлялось фиксированными законами и процессами, это только возвратом к её самым ранним формам это открытие может быть сделано и доказательства установлены. Современная речь в значительной мере является фиксированной и почти искусственной формой, не то, чтобы окаменелостью, но организмом, движущимся к остановке и окаменению. Идеи, которые её изучение внушает нам, слишком хорошо просчитываются, чтобы вводить нас в полное

заблуждение. В современном языке слово является фиксированным условным символом, обладающим без какого-либо здравого резона, известного нам, значением, которое мы вынуждены по обычаю придавать ему. Мы обозначаем словом волк определённый вид животного, но почему мы используем этот звук¹, а не другой, чтобы обозначить его, кроме как в силу лишённого закона факта исторического развития, мы не знаем и не желаем знать. Любой другой звук был бы для нас равно хорош для этой цели, при условии, что следующий привычке менталитет, превалирующий в нашем окружении, согласился бы его санкционировать. Это только когда мы возвращаемся к ранним языкам и находим, например, что на санскрите слово волк означает в своей основе «рвущий», мы получаем проблеск, по крайней мере, одного закона развития языка. Опять же, в современном языке мы имеем фиксированные части речи; существительное, прилагательное, глагол, наречие являются для нас различными словами, даже когда их формы тождественны. Только когда мы идём назад к более ранним языкам, мы получаем проблеск поразительного, многое освещающего факта, что в наиболее фундаментальных формах одно односложное слово служило равно как существительное, глагол и наречие и что человек в его самом раннем использовании речи, вероятно, в своём уме не делал или делал очень небольшое различие между этими разными употреблениями. Мы видим, что слово **vṛka** в современном санскрите используется только как существительное, обозначающее волка; в Веде оно означает просто разрывание или рвущего, оно используется индифферентно как существительное или прилагательное, даже в его использовании в качестве существительного имеется большая свобода [*его использования в качестве*] прилагательного и оно

¹ Здесь и далее везде слово «звук» используется как «звучание» и может относиться как к одному отдельному звуку, так и к нескольким отдельным звукам, объединённым в слог, корень, слово.– Перев.

может быть свободно применено к волку, демону, врагу, разрушительной силе и чему угодно, что разрывает. Мы находим в Веде, хотя там есть наречные формы, соответствующие латинскому наречию в **e** и **ter**, что само прилагательное постоянно используется и как чисто прилагательное, и в связи с глаголом и его действием, что соответствует нашему современному использованию наречий и наречных или предложных фраз или подчинённых наречных предложений. Еще более замечательно, мы находим, что существительные и прилагательные часто используются как глаголы с объектом в винительном падеже, зависящем от вербальной идеи в корне. Так что мы готовы найти, что в самых простых и ранних формах арийского языка использование слова было вполне изменчивым, что слово, как **cit**, например, могло в равной степени означать «знать», «зная», «знает», «знающий», «знание», «знаемо» и использоваться говорящим без какой либо особой идеи о частном использовании им этой пластичной вокабулы. Опять же, тенденция к фиксированности в современных языках, тенденция к использованию слова как простых жетонов [*counters*] и символов идей, не как живых сущностей, которые сами являются родителями мысли, создаёт тенденцию строго ограничивать использование одного слова в нескольких разных значениях и тенденцию избегать использования множества разных слов для выражения одного объекта или идеи. Когда мы имеем слово «забастовка» [*strike*], чтобы выразить добровольное и организованное прекращение работы работниками, мы удовлетворены; мы оказались бы в замешательстве, если бы нам пришлось выбирать между этим и пятнадцатью другими словами, равно обычными и имеющими то же значение; ещё в большем замешательстве мы оказались бы, если бы это слово могло означать удар, солнечный луч, гнев, смерть, жизнь, тьму, кров, дом, пищу и молитву. Однако именно этот феномен, — опять же, я беру самый поразительный и освещающий случай, — мы находим в ранней истории речи. Даже в более позднем санскрите обилие внешне несвязанных значений, даваемых одним словом,

феноменально, но в ведийском санскрите оно более чем феноменально и предлагает серьезный камень преткновения любой попытке современников зафиксировать точный и неоспоримый смысл арийских гимнов. Я предложу основание в этой работе для вывода, что в ещё более ранней речи свобода была ещё бóльшей, что каждое слово, не только как исключение, но и обычно, было способно на множество разных значений, а каждый объект или идея могли быть выражены множеством, зачастую вплоть до пятидесяти, слов, каждое из которых произошло от разного корня. Для наших представлений такое состояние дел показалось бы просто незаконным беспорядком, отвергающим саму идею о любом законе речи или о любой возможности лингвистической Науки, но я покажу, что эта экстраординарная свобода и гибкость поднялись неизбежно из самой природы человеческой речи в её началах и как результат самих законов, которые управляли её древним развитием.

Идя так назад от искусственного использования развитой речи в современном языке ближе к натуральному использованию примитивной речи нашими более ранними праотцами, мы приходим к двум важным пунктам. Мы избавляемся от идеи общепринятой фиксированной связи между звуком и его значением, и мы постигаем, что определённый объект выражается определённым звуком потому, что по той или иной причине этот звук внушал определённое и впечатляющее действие или характерную черту, которые отличали этот объект для более раннего человеческого ума. Древний человек не говорил в своём уме, как искушённый современный: «Вот кровавое плотоядное животное с четырьмя ногами семейства псовых, которое охотится стаями и ассоциируется в моём уме особенно с Россией, зимой, снегами и степями; давайте найдём ему подходящее название»; он имеет меньше идей о волке в своём уме, он озабочен не идеями научной классификации, а, гораздо больше, физическим фактом своего контакта с волком. Именно этот главный, в высшей степени важный физический факт он выбирал, когда кричал своему другу не «здесь волк», а просто

«вот рвущий», **ayaṃ vṛkaḥ**. Остаётся вопрос, почему слово **vṛkaḥ** больше, чем другие, внушало идею о разрывании. Санскритский язык позволяет нам сделать один шаг назад, однако ещё не финальный шаг, показывая нам, что это не со сформированным словом **vṛkaḥ** мы должны иметь дело, а со словом **vṛc**, тем корнем, чьим отростком, всего лишь одним из множества, является слово **vṛka**. Ибо этот второй объект нашего внимания поможет нам избавиться от современной связи развитого слова с какой-то точной тенью идеи, которую, как мы приучены, оно сообщает. Слово **delimitation**¹ и комплексный смысл, которое оно передаёт, для нас спаяны вместе; нам нет нужды помнить, что оно происходит от слова **limes**, граница, и что один лишь звук **lime**, являющийся основой слова, не передаёт нам сам по себе фундаментальной основы смысла. Но, думаю я, можно показать, что даже в ведические времена люди, используя слово **vṛka**, держали значение корня **vṛc** в своих умах впереди прочего и что именно этот корень был для их менталитета жёстко фиксированным значимым элементом речи, тогда как полное слово было всё ещё подвижным и зависящим в его использовании от ассоциаций, вызываемых тем корнем, которое оно содержало. Если так, мы можем отчасти увидеть, почему слова, оставаясь подвижными в своём значении, варьируют в соответствии с определённой идеей, пробуждаемой корневым звуком в менталитете говорящего. Мы можем также видеть, что этот корень и сам был текучим не только в своих значениях, но и в его использовании и почему даже у сформированного и развитого слова именно, прилагательное, глагольное и наречное использование было, даже на сравнительно поздней стадии речи, которую мы находим в Ведах, столь несовершенно дифференцированным, столь мало фиксированным и обособленным, настолько легко переходящим

¹ **Delimitation**, «разграничение» (англ.); **limes**, лимит, граница (лат., им. падеж от **limitem**). – Перев.

одно в другое. Мы всё время возвращаемся к корню как к детерминирующей единице языка. В данном исследовании, стоящем перед нами, базиса науки языка, мы совершаем самое важное продвижение. Нам не нужно выяснять, почему **vṛka** означает рвущего; вместо этого нам нужно выяснить, что звук **vṛc** означал для ранних говорящих на арийских языках рас и почему он нёс определённое значение или значения, которые мы действительно обнаруживаем врезанными в него. Нам не нужно спрашивать, почему **dōlābra** на латыни означает топор, **dalmi** на санскрите означает молнию Индры, **dalapa**¹ и **dala**² относятся к оружию, или почему **dalanam**³ означает сокрушающий, или **delphi** на греческом – название для места [*со множественном*] пещер и оврагов, но мы можем ограничиться изучением природы материнского корня **dal**⁴, результатом которого все эти различающиеся, но родственные употребления являются. Не то, чтобы отмеченные вариации были неважны, но их важность незначительна и второстепенна. Мы можем, действительно, разделить историю источников речи на две части, эмбриональную, где исследование должно быть проведено безотлагательно, как имеющее первостепенную важность, и структурную, которая менее важна и поэтому может быть оставлена для второстепенного и вспомогательного исследования⁵. В первом мы отмечаем корни речи и изучаем, как случилось, что **vṛc** стало

¹ Оружие (*санскр.*).– Перев.

² Лезвие; разделяющий, раскалывающий (*санскр.*).– Перев.

³ Расщепляющий, разбивающий, разрушение (им., вин. падеж от *dalana*, санскрит).– Перев.

⁴ Раскалывать, раскрывать, разрывать (*санскр.*).– Перев.

⁵ Речь идёт о двух этапах словообразования: об «эмбриональном» этапе, когда меняется сам корень, и о «структурном», когда корень неизменен, но меняется слово за счет прибавления к корню аффиксов, чередования и т.д.– Перев.

означать «рвать», а **dal** – «расщеплять» или «крушить», произвольно ли, или по какому-то закону природы; во втором мы отмечаем модификации и добавления, которыми эти корни вырастают в развитые слова, словесные группы, словесные семейства и совместные родá, и почему эти модификации и добавления оказывают такое воздействие на смысл и использование, которое мы обнаруживаем, почему окончание **-ana** превращает **dal** в прилагательное или существительное и каков источник и смысл различных окончаний **-ābra**, **-bhi**, **-bha**, **-(del)phoi**, **-(dal)bhāh**, **-ān** (греческое **-ōn**) и **-ana**.

Эта главенствующая важность корня в раннем языке для сформированного слова является одним из тех скрытых фактов языка, отрицать которые было одной из главных причин научной несостоятельности филологии как науки. Первые последователи сравнительной филологии совершили, как мне представляется, фатальную ошибку, когда, неверно ведомые более широкой поглощённостью сформированным словом, они сосредоточились на взаимосвязи **pitā**, **patēr**, **pater**, **vater**, **father** как на ключе или **mūlamantra**¹ своей науки и начали утверждать на его основании всевозможные здравые и ошибочные заключения. Реальный ключ, реальная взаимосвязь должны быть найдены в другой согласованности, **dalbhi**, **dalana**², **dolabra**³, **dolon**⁴, **delphi**, ведущей к идее общего материнского корня, общих словесных семейств, общих словесных родов, родственных словесных наций, или, как мы называем их, языков. И если бы было также замечено, что во всех языках **dal** означает также притворство или обман и имеет другие общие или родственные

¹ Главный, первичный или фундаментальный текст (*санскр.*).– Перев.

² Расщепление и т.п. (*санскр.*).– Перев.

³ **dōlābra**, топор, киркомотыга (лат.).– Перев.

⁴ **Dolos**, обман; **dolon**, кинжал; **doulos**, раб.– [*Примечание Шри Ауробиндо*]

значения, если бы была сделана какая-то попытка найти причину, по которой один звук имеет эти различающиеся в своём смысле использования, тогда могли бы быть сформированы основы реальной Науки Языка. Мы должны, в связи с этим, открыть, возможно, реальные связи античных языков и общий менталитет так называемых арийских народов. Мы находим **dolabra** в латыни для топора, мы не находим соответствующего слова в греческом или санскрите для топора; доказывать поэтому, что арийские праотцы не изобрели или не приняли топор как оружие до их разделения, значит вступить в область бесполезных и туманных неопределённостей и поспешных выводов. Но когда мы находим, что **dolabra** в латыни, **dolon** в греческом, **dala**, **dalapa** и **dalmi** в санскрите, все были различными дериватами, свободно развитыми из **dal**, расщеплять, и что все они используются для какого-то рода оружия, мы обретаем плодотворную и светлую определённость. Мы видим, как обычный или изначальный менталитет работает, мы видим внешне свободные и неограниченные, но всё же, в действительности, регулярные процессы, которыми были сформированы слова; мы видим также, что это не обладание одними и теми же идентичными сформированными словами, а селекция корневого слова и одного из нескольких потомков от того же корневого слова, чтобы выразить определённый объект или идею, было секретом и общего элемента, и обширной и свободной вариации, которую мы в действительности находим, вокабулярия арийских языков.

Я сказал достаточно, чтобы показать характер исследования, которым я намерен заняться в настоящей работе. Этот характер поднимается неизбежно из самой природы проблемы, которая стоит перед нами, процессы, которыми язык получает рождение и формацию. В физических науках мы имеем простой и гомогенный материал изучения; ибо, насколько бы комплексными ни были силы или составные части процесса, они все имеют одну природу и повинуются одному классу законов; все элементы являются формами, развитыми вибрацией материального эфира, все силы

являются энергиями этих эфирных вибраций, которые либо связали себя с этими формальными элементами объектов и действуют в них, либо же ещё воздействуют свободно на них извне. Но в ментальных науках мы сталкиваемся с гетерогенным материалом и гетерогенными силами и деятельностью сил; мы должны иметь дело сперва с физическим материалом и средой, природа и деятельность которых сами по себе достаточно легки для изучения и достаточно регулярны в своей деятельности, если бы не второй элемент, ментальный фактор, работающий в них и воздействующий на свою физическую среду и материал. Мы видим крикетный мяч, летящий по воздуху, мы знаем элементы действия и статику, которые работают в нём и влияют на его полёт, и мы можем достаточно легко предсказать, либо благодаря вычислению, либо здравому смыслу, не только в каком направлении он продолжит свой полёт, но и где он упадёт. Мы видим птицу, летящую в небе, – физический объект, как и крикетный мяч, летящий через ту же физическую среду; но мы не знаем, ни в каком направлении она полетит, ни где она сядет. Материал тот же, физическое тело, среда та же, физическая атмосфера; до определённой степени, даже энергия – та же самая, физическая Праническая энергия, как она называется в нашей философии, присущая материи. Но другая сила, не физическая, которая овладела этой физической силой, действует в ней и воздействует на неё, и в той мере, в какой физическое посредничество позволяет, осуществляет себя через него. Этой силой является ментальная энергия, и её присутствия достаточно, чтобы превратить чистую или молекулярную Праническую энергию, которую мы находим в крикетном мячике, в смешанную или нервную Праническую энергию, которую мы находим в птице. Но если бы мы могли так развить наши ментальные перцепции, чтобы быть способными оценивать благодаря здравому смыслу или калькуляции силу нервной энергии, оживляющей птицу в момент её полёта, даже тогда мы не могли бы определить её направление или цель. Причина в том, что имеется разница не только в энергии, но и в

агенте. Таким агентом является ментальная сила, живущая в просто физическом объекте, сила ментальной воли, которая не просто обитает внутри, но и до определённой степени свободна. Есть намерение в полёте птицы; если мы можем постичь это намерение, мы можем тогда судить, куда она полетит, где она сядет, всегда при условии, что она не изменит своего намерения. Крикетный мяч тоже брошен ментальным агентом с намерением, но при том, что этот агент является внешним, а не живущим в мяче, мяч не может, будучи брошен в определённом направлении с определённой силой, изменить это направление или превзойти эту силу, если только он не будет повернут или направлен новым объектом, который он встретит в своём полёте. Сам по себе он не свободен. Птица тоже движима ментальным агентом с определённым намерением в определённом направлении с определённой силой нервной энергии в её полёте. Предположим, что ничего не меняется в ментальной воле, работающей в ней, и её полёт может быть приблизительно оценён и зафиксирован, как полёт крикетного мяча. Она тоже может быть повернута каким-то объектом, встретившимся ей, деревом или опасностью на пути, привлекательным объектом в стороне от пути, но внутри живёт ментальная сила и она вольна, как мы должны сказать, выбирать, повернёт она или нет, продолжит она свой полёт или нет. Но также она совершенно вольна менять своё первоначальное намерение без каких-либо внешних причин, увеличить или уменьшить, использовать свой выход нервной энергии в действии, употребить её в каком-то направлении и для какой-то цели, которые являются совершенно чуждыми изначальной цели полёта. Мы можем изучать и оценивать физические и нервные силы, которая она использует, но мы не можем создать науку полёта этой птицы, если только мы ни пройдем за материю и материальную силу и ни изучим природу этого сознательного агента и законы, если таковые существуют, которые определяют, аннулируют или ограничивают её видимую свободу.

Филология является попыткой сформировать такую ментальную науку,– ибо язык имеет этот двойной аспект; его материал – физический, звуки, сформированные человеческим языком, воздействующим на воздушные вибрации; энергия, использующая его, является нервной, молекулярной Пранической деятельностью мозга, использующей голосовых агентов и сама используемая и модифицируемая ментальной энергией, нервный импульс, [*используемый*] чтобы выразить, вынести из сырого материала чувства ясность и точность идеи; агентом, использующим его, является ментальная воля, свободная,– насколько мы можем видеть, но свободная в пределах своего физического материала,– варьировать и определять использование для этой цели пределы вокального звука. Чтобы прийти к законам, которые управляли формацией данного человеческого языка,– в мою задачу сейчас входит изучение не источников человеческой речи вообще, а источников арийской речи,– мы должны проэкзаменовать сперва то, как этот инструмент вокального звука обуславливался и использовался этим агентом; во-вторых, как обуславливалось отношение определённых идей, которые должны были быть выражены, с определённым звуком или звуками, которые выражали их. Там всегда должны быть эти два элемента, структура языка, его семена, корни, формации и ростки, и психология использования этой структуры.

Нынешняя структура санскритского языка, единственная среди арийских языков, ещё сохраняет этот оригинальный тип арийской структуры. Только в этом древнем языке одном мы видим,– не полностью во всех оригинальных формах, но в оригинальных сущностных частях и правилах формации,– скелет, члены и внутренности этого организма. Поэтому именно через это изучение санскрита, особенно при помощи того освещения, какое мы можем получить от других более регулярных и богато структурированных арийских языков, мы должны искать наши истоки. Структура, которую мы находим, является структурой экстраординарной инициальной простоты, но также и экстраординарной

математической и научной регулярности формации. Мы находим в санскрите четыре открытых звука или чистых гласных, **a** (अ), **i** (इ), **u** (उ), **ṛ** (ऋ), с их удлинёнными формами, **ā** (आ), **ī** (ई), **ū** (ऊ) и **ṝ** (ऋ̄), (мы должны упомянуть, хотя можем и опустить из практических соображений, редкий гласный **ṝ** (ठ)¹), дополненные двумя другими открытыми звуками, которые, – и грамматисты в этом, вероятно, правы, – являются нечистыми гласными или модификациями **i** (इ) и **u** (उ); это – гласные **e** (ए) и **o** (ओ), каждая из которых имеет свою дальнейшую модификацию **ai** (ऐ) и **au** (औ). Затем мы имеем пять симметричных варг, или классов, закрытых звуков, или согласных, гуттуральные **k** (क्), **kh** (ख्), **g** (ग्), **gh** (ग्), **ṅ** (ङ), палатальные **c** (च्), **ch** (च्), **j** (ज्), **jh** (ज्), **ñ** (ञ), церебральные, примерно соответствующие английским дентальным **ṭ** (ट्), **ṭh** (ट्), **ḍ** (ड्), **ḍh** (ड्), **ṇ** (ण); чисто дентальные, отвечающие кельтским и континентальным дентальным, которые мы находим в ирландском и французском, испанском или итальянском, **t** (त्), **th** (थ्), **d** (दत्), **dh** (ध्), **n** (न्), и губные **p** (प्), **ph** (फ्), **b** (ब्), **bh** (ब्), **m** (म्). Каждый из этих классов содержит глухой звук **k** (क्), **c** (च्), **ṭ** (ट्), **t** (त्), **p** (प्), с его придыхательным вариантом **kh** (ख्), **ch** (च्), **ṭh** (ट्), **th** (थ्), **ph** (फ्), и соответствующий звонкий звук **g** (ग्), **j** (ज्), **ḍ** (ड्), **d** (दत्), **b** (ब्) с его придыхательным **gh** (ग्), **jh** (ज्), **ḍh** (ड्), **dh** (ध्), **bh** (ब्), а также класс носовых **ṅ** (ञ), **ñ** (ण), **ṇ** (ङ), **n** (न्), **m** (म्). Но из этих носовых только три последних имеют самостоятельное существование; другие являются модификациями основных носовых звуков, **m** (म्) и **n** (न्), и существуют только в соединении с другими согласными из своего класса и появились на свет только благодаря таким соединениям. Церебральный класс тоже является специфическим; звуки из него имеют настолько близкое родство с дентальным, и по звуку, и по использованию, что они могут рассматриваться, скорее, как модифицированные дентальные,

¹ В Ригведе этот звук встречается трижды – चाकृप्र (10.130.5); चाकृप्र (10.130.6); चीकृपाति (10.157.2). Удлинённый **ṝ** (ठ) в Ригведе не встречается. – Перев.

чем как оригинальный отдельный класс. Наконец, в дополнение к обычным гласным и согласным мы имеем класс из четырёх плавных **y** (य), **r** (र), **l** (ल), **v** (व), которые явно трактуются как полугласные, **y** (य) – полугласная форма **i** (इ), **v** (व) – **u** (उ), **r** (र) – **r̥** (ऋ), **l** (ल) – (**l̥**, **ḷ**), – этот полугласный характер **r** (र) и **l** (ल) является причиной, почему в латинской просодии они не всегда имеют полную цену согласного, почему, например, **u** в **volueris** факультативно является долгим или коротким; также мы имеем три сибиланта **ś** (श), **ṣ** (ष) и **s** (स), из которых **ś** (श) – палатальный, **ṣ** (ष) – церебральный; наконец, мы имеем чисто придыхательный звук **h** (ह)¹. С возможным

¹ Сводная таблица ведийского консонантизма (Перев.):

Способ образования	Шумные смычные				Сонаты		Шумные фрикативные (шипящие, сибиланты)	
	глухие		звонкие		носовые (назальные)	неносовые (плавные)	глухие	звонкие
	непридыхательные	придыхательные	непридыхательные	придыхательные				
Место образования								
Фарингальные (гортанные)							h (ç)	h (ḥ)
Гуттуральные (заднеязычные)	k (क)	kh (ख)	g (ग)	gh (घ)	ñ (ङ)			
Палатальные (среднеязычные, средненёбные)	c (च)	ch (छ)	j (ज)	jh (झ)	ñ (ञ)	y (य)	ś (श)	
Церебральные (альвеолярные)	t̥ (ट)	th (ठ)	d̥ (ड)	dh (ढ)	ṇ (ण)	r (र)	ṣ (ष)	
Дентальные (зубные)	t (त)	th (थ)	d (द)	dh (ध)	n (न)	l (ल)	s (स)	
Лабialsные (губные)	p (प)	ph (फ)	b (ब)	bh (भ)	m (म)	v (व)		

исключением церебрального класса и изменённого носового вряд ли можно сомневаться, я думаю, что санскритский алфавит представляет оригинальный вокальный инструмент арийской речи. Его регулярный, симметричный и методичный характер очевиден и может побудить нас увидеть в нём некоторый научный интеллект, если бы не знали, что Природа в определённой части её чисто физической деятельности обладает именно этой регулярностью, симметрией и фиксированностью, и что ум, по крайней мере в его более ранней неинтеллектуализированной деятельности, когда человек ведёт больше ощущением, импульсом и поспешной перцепцией, имеет тенденцию вносить элемент нерегулярности и каприза, а не более великий метод и симметрию. Мы можем даже сказать, не абсолютно, но в пределах лингвистических фактов и периодов, доступных нам, что чем более велика симметрия и неосознанная научная регулярность, тем на более древней стадии находится язык. Продвинутые стадии языка являют возрастающее стирание, расплывание, неустойчивую вариацию, потерю полезных звуков, переходы, иногда преходящие, иногда перманентные, слабых и ненужных вариаций того же звука в сан отдельных букв. Такая вариация, не преуспевшая в перманентности, может быть увидена в ведической модификации мягкого церебрального ढ (ḍ) в плавный церебральный ळ (ḷ). Этот звук исчезает в позднем санскрите, но зафиксировался в тамильском и маратхи. Таков этот простой инструмент, из которого величественные и экспрессивные гармонии санскритского языка были сформированы.

Использование этого инструментария более ранними арийцами для формирования слов было, похоже, равным образом симметричным, методичным и находящимся в тесном контакте с физическими фактами вокальной экспрессии. Эти буквы использовались как многочисленные семенные звуки; из них примитивные звуки-корни формировались простой комбинацией четырёх гласных, или, реже, модифицированных гласных, с каждым из согласных, за исключением двух зависимых носовых ण (ṅ) и ऩ (ṃ)

и церебрального носового **ṅ** (ṅ). Так с **d** (द) как с базовым звуком ранние арийцы были способны создать для себя корни-звуки, которые они использовали индифферентно в качестве существительных, прилагательных, глаголов или наречий, чтобы выразить корневые идеи, – **da** (द), **dā** (दा), **di** (दि), **dī** (दी), **du** (दु), **dū** (दू), **dṛ** (दृ) и **dṝ** (दृ̄). Не все эти корни выжили как отдельные слова, однако те, которые выжили, оставили за собой обильное потомство, которое сохранило в себе свидетельство существования их прародителя. Особенно корни, сформированные коротким **a** (अ), вышли из употребления без единого исключения. В добавок [*к перечисленным*] арийцы могли сформировать, если хотели, модифицированные корни-звуки **de** (दे), **dai** (दै), **do** (दो), **dau** (दौ). Гласные основы также использовались, поскольку природа речи допускает это, в качестве корней-звуков и корней-слов. Но очевидно, что это ядро языка, хотя оно и может быть достаточным для примитивных существ, слишком ограничено в своём охвате, чтобы удовлетворить саморасширяющуюся тенденцию человеческой речи. Мы видим поэтому, что класс вторичных корней-звуков и корней-слов вырастает из примитивного корня через дальнейшее добавление к нему любого из согласных звуков¹ с необходимыми или естественными модификациями уже существующей корневой идеи. Так, на базисе сейчас утраченного примитивного корня **da** можно было получить четыре гуттуральных коротких вторичных корня, **dak** (दक्), **dakh** (दख्), **dag** (दग्), **dagh** (दग्), и четыре долгих **dāk** (दाक्), **dākh** (दाख्), **dāg** (दाग्), **dāgh** (दाग्), которые могут рассматриваться либо как отдельные слова, либо длинные формы коротких корней;

¹ Все ведийские корни являются односложными и могут иметь структуру: Г, СГ, ССГ, СССГ, ГС, СГС, ССГС, ГСС, СГСС, ССГСС (С – согласный, Г – гласный). При этом следует иметь в виду невозможность сочетаний многих согласных, например **k-g**, **k-gh**, **k-j** и т.д. – Перев.

а так же восемь палатальных¹, восемь – а с двумя носовыми формами **daṅ** (दङ्) и **dāṅ** (दाङ्) – десять церебральных², десять зубных³, десять губных⁴ [*восемь*] плавных⁵, шесть шипящих⁶ и два придыхательных⁷ вторичных корня. Также возможно назализовать⁸ любую из этих форм, например, **daṅk** (दङ्क्), **daṅkh** (दङ्ख्), **daṅg** (दङ्ग्) и **daṅgh** (दङ्ग्ह्)⁹. Представляется естественным предположить, что все эти корни существовали в более ранних формах арийской речи, но ко времени наших первых литературных записей бóльшая часть их исчезла, некоторые – оставляя за собой потомство, скудное или многочисленное, другие – погибая вместе со своими слабыми отпрысками. Если мы возьмём один пример, примитивный базовый корень **ma** (म), мы найдём, что сам корень **ma** (म) мёртв, но существует в именных формах: **ma** (म), **mā** (मा), **man** (मन्), **mataḥ** (मतः), **matam** (मतम्); из них **man** (मन्) существует только в назальной форме **maṅk** (मङ्क्) и в своих собственных потомках **makara** (मकर), **makura**

¹ На -c, -ch, -j, -jh.– Перев.

² На -ṭ, -ṭh, -ḍ, -ḍh, -ṇ.– Перев.

³ На -t, -th, -d, -dh, -n.– Перев.

⁴ На -p, -ph, -b, -bh, -m.– Перев.

⁵ На -y, -r, -l, -v.– Перев.

⁶ На -ś, -ṣ, -s.– Перев.

⁷ На -h.– Перев.

⁸ Вставка перед согласным назального звука той же варги, например, **dañc**, **daṅṭ**, **dant**, **damp**, и звука **m** перед сибиллянтами и придыхательным.– Перев.

⁹ Таким образом мы имеем 54 вторичных корня, произошедших от первичного корня **da**. С учётом того, что теоретически возможно 12 первичных корней на основе звука **d**, всего этот звук может дать 648 вторичных корней. Поскольку имеется 30 согласных, способных порождать корень за счёт прибавления к нему гласного звука, всего мы могли бы получить 360 первичных и 19440 вторичных корней.– Перев.

(मकुर), **makula** (मकुल) и т.д. и в третичных формациях **makk** (मक्क्) и **makṣ** (मक्क्ष); **makk** (मक्क्) всё ещё существует как корень-слово в формах **makh** (मख्) и **maṅkh** (मंख्); **mag** (मग्) существует только в своих потомках и в своих назальных формах **maṅg** (मंग्), **magh** (मघ्) – в своей назализованной форме **maṅgh** (मंघ्); **mac** (मच्) всё ещё живо, но не имеет детей, кроме как в его назальном облике **mañc** (मंच्); **mach** (मच्छ) мертво вместе с его потомством, **maj** (मज्) живо в своих потомках и в своей назальной форме **mañj** (मंज्), **majh** (मझ्) полностью вышло из употребления. Мы находим в длинных формах **mā** (मा) и **mākṣ** (माक्क्ष), выступающих в качестве отдельных корней, и слова с **māk** (माक्), **mākh** (माख्), **māgh** (माघ्), **māc** (माच्) и **māch** (माच्छ), выступающими в качестве субстанциональной части этих слов, но происходящими чаще, как представляется, удлинением короткого корня, а не от длинной формы, выступающей отдельным корнем. Наконец, третичные корни были сформированы менее регулярно, но всё ещё с некоторой свободой добавлением полугласных¹ к семенному звуку либо в первичном, либо во вторичном корне, давая нам тем самым такие корни, как **dhyai** (ध्यै), **dhvan** (ध्वन्), **sru** (स्रु), **hlād** (ह्लाद्), или других согласных, где комбинация была возможна, давая нам такие корни, как **stu** (स्तु), **ścyu** (श्च्यु), **hrad** (ह्रद्) и т.д., либо же добавлением других согласных к концу вторичного корня, давая нам такие формы, как **vall** (वल्ल्), **majj** (मज्ज्) и т.д. Эти последние являются чисто корнеформами. Но своего рода незаконнорождённый третичный корень мог формироваться гунацией, или модификацией [*корневой гласной в ступень*] **guṇa**, как, например, гласного **ṛ** (ऋ) в **ar** (अर्) и **ṝ** (ऋ̄) в **ār** (आर्), так что мы имеем альтернативные формы **ṛc** (ऋच्) и **arc** (अर्च्)

¹ **y, r, l, v** – за их счёт, теоретически, без учёта недопустимых комбинаций, мы могли бы иметь 77760 третичных корней, образованных из вторичных корней, и 1440 третичных корней, образованных из первичных корней, что в совокупности с первичными и вторичными корнями даёт нам 99000 корней.– Перев.

или **ark** (अर्क); формы **carṣ** (चर्ष) и **car** (चर्), сменившие **crṣ** (चृष) и **cr** (चृ), которые сейчас мертвы, формы **mṛj** (मृज) и **marj** (मर्ज) и т.д. Мы находим также определённые ранние тенденции консонантных модификаций, одна имеет инициальную тенденцию избавляться от палатального **с** (च्) **ch** (छ) и **j** (ज्) **jh** (झ), замещая их **k** (क्) и **g** (ग्), тенденция полностью осуществлённая в латыни, но остановленная на полпути к осуществлению в санскрите. Этот принцип **guṇa**¹ имеет

¹ В санскрите имеет место явление "усиления-ослабления" гласного в слове, называемое чередованием, обусловленное не окружением звука другими звуками, как в случае сандхи, а тем, в каком числе, падеже, роде, времени, наклонении и т.п. находится данное слово. Чередование может носить качественный характер (когда звук меняется на другой, например, *ī* на *e*) и количественный, когда меняется длина гласного. Различают три ступени чередования – (1) слабая ступень (краткая или нулевая), (2) ступень **guṇa** (средняя или полная), (3) ступень **vṛddhi** (долгая или сильная). В постведийском языке гласная под ударением была в ступени **guṇa**, а безударная гласная – в слабой ступени, однако в ведийском часто ступень чередования не зависела от ударения. Основные варианты чередований представлены в таблице ниже:

Слабая ступень	guṇa	vṛddhi
	e (перед согласной)	ai (перед согласной)
i, ī	ay (перед гласной)	āy (перед гласной)
	o (перед согласной)	av (перед согласной)
u, ū	av (перед гласной)	āv (перед гласной)
ṛ	ar	ār
ноль	a	ā
a/m	am	ām
a/n	an	ān

Некоторые корни в ведийском имеют особый тип чередования **samprasāraṇa**:

Слабая ступень	guṇa	vṛddhi
i	ya	yā
ī	yā	yā
u	va	vā
ū	vā	vā
ṛ	ra	rā

Небольшая группа корней, кончающихся на **ṛ**: слабая ступень – **īṛ**, **guṇa** – **ar**, **vṛddhi** – **ār**. Некоторые корни, кончающиеся на **ā**, в слабой ступени имеют **i** или **ī**, **guṇa** – **ā**; **vṛddhi** – **ā**.– Перев.

великую важность в изучении физической формации языка и его психологического развития, особенно когда он вносит первый элемент сомнения и беспорядка в кристально ясную в других отношениях структуру и совершенную механическую регулярность формации. Гласная гунация, или модификация, работает либо заменой, либо модификацией гласной, меняя **e** (ए) на **i** (इ), **o** (ओ) на **u** (उ), так что мы имеем из **vi** (वि) падежную форму **ves** (वेस्), **veh** (वेः), из **janu** (जन्) падежную форму **janoḥ** (जनोः), или получая чисто полугласный звук **y** (य्) вместо **i** (इ), **v** (व्) из **u** (उ), **r** (र्) из **ṛ** (ऋ), или немного нечисто – **rā** (रा), так что из **vi** (वि) мы имеем глагольную форму **vyantah**. (व्यन्तः), из **śu** (शु) – глагольную форму **aśvah** (अश्वः), из **vṛ** (वृ) или **vṛh** (वृह) – существительное **vraha** (व्रह), или же поддерживаемый полугласный звук **ay** (अय्) из **i** (इ), **av** (अव्) – из **u** (उ), **ar** (अर्) – из **ṛ** (ऋ), **al** (अल्) – из **lṛ** (लृ), так что мы имеем из **vi** (वि) имя **vayas** (वयस्), из **śru** (श्रु) – имя **śravas** (श्रवस्), из **sṛ** (सृ) – имя **saras** (सरस्), из **klṛp** (क्लृप्) – имя **kalpa** (कल्प). Эти формы образуют простую гунацию коротких гласных звуков **a** (अ), **i** (इ), **u** (उ), **ṛ** (ऋ), **lṛ** (लृ), в дополнение к которой мы имеем долгую модификацию **vṛddhi**, расширение принципа удлинения, которое даёт нам долгие формы слов; мы имеем **ai** (ऐ) или **āy** (आय्) из **i** (इ), **au** (औ) или **āv** (आव्) из **u** (उ), **ār** (अर्) из **ṛ** (ऋ), **āl** (आल्) из **lṛ** (लृ), тогда как **a** (अ) не имеет собственно **vṛddhi**, а только долгое **ā** (आ). Принципиальный беспорядок, который возникает от этого примитивного отхода от простоты звукового развития, часто приносит неуверенность в выборе между регулярным вторичным корнем и нерегулярным корнем, появившемся в результате чередования. Мы имеем, например, регулярный корень **ar** (अर्), произошедший от примитивного корня **a** (अ), и незаконный корень **ar** (अर्), произошедший от примитивного корня **ṛ** (ऋ); мы имеем формы **kala** (कल) и **kāla** (काल), которые, если судить только по их структуре, могут происходить либо от **klṛ** (क्लृ), либо от **kal** (कल्); мы имеем **ayus** (अयुस्) и **āyus** (आयुस्), которые, если судить о них сходным образом, могут происходить либо от корневых форм **a** (अ) и **ā** (आ), либо от корневых форм **u** (उ) и **i** (इ). Главные

консонантные модификации в санскрите являются структурными и заключаются с ассимиляции сходных согласных, глухой звук становится звонким ассоциацией со звонким звуком, как звонкий звук становится глухим ассоциацией с глухим звуком, придыхательные замещаются в соединении с соответствующими непридыхательными звуками и модифицируют своих компаньонов в ответ, напр., **lapsyate** (लप्स्यते) и **labdhum** (लब्धुम्) из **labh** (लभ्) заменяются на **labh-syate** (लभ्-स्यते) и **labh-tum** (लभ्-तुम्); **vyūḍha** (व्यूढ) из **vyūh** (व्यूह) заменяется на **vyūhta** (व्यूह्त). Помимо этой тенденции повиноваться определённым тонким, но легко распознаваемым тенденциям взаимной модификации, которые сами по себе приводят лишь к определённым незначительным и неважным сомнениям, одной действительно портящей тенденцией в санскрите является приостановленный импульс к исчезновению палатального семейства. Он зашёл настолько далеко, что такие формы, как **ketu** (केतु), могли рассматриваться индийскими грамматиками, совершенно ошибочно, как произошедшими от корня **cit** (चित्), а не от корня **kit** (कित्), который является его естественным родителем. В действительности же, единственно реальными палатальными модификациями являются те, которые обусловлены **sandhi**¹, которые

¹ Некоторые звуки, оказываясь рядом, меняются,— одно и то же слово или его часть в зависимости от своего окружения может звучать и писаться, по-разному. Процесс зафиксирован в правилах сандхи («соединение»). Изменения сандхи, могут происходить как между словами — «внешние сандхи», так и на стыках морфем (корней, суффиксов и т.д.) — «внутренние сандхи». (Точнее, внешние сандхи действуют на стыках словоформ, между основами сложного слова, после провербов, после именных префиксов, перед **su**, **bhis**, **bhyas**, **bhyām**.) Чтобы получить неизменную запись слова, из него сперва выделяются части, на стыках которых происходят изменения, обусловленные внешними сандхи, которые называются *морфонологическими записями I*. Затем эта запись дробится ещё раз — на морфемы, на стыках которых происходят изменения, обусловленные внутренними сандхи. Такая запись называется *морфонологической записью II*. Реставрация фонологической записи слова из *морфонологической записью II* производится в обратном порядке.— Перев.

замещают звуком **k** (क्) звуки **c** (च्), **g** (ग्), **j** (ज्) на конце слов или в определённых комбинациях, напр., **lajna** (लज्ज) меняется на **lagna** (लग्न), **vactṛ** (वच्त्) – на **vaktṛ** (वक्त्), **vacva** (वच्च) – на **vakva** (वक्व), существительное **vākya** (वाक्य) получается из корня **vac** (वच्)¹. Бок о бок с этими модифицирующими комбинациями мы имеем регулярные формы, такие как **yajña** (यज्ञ), **vācya** (वाच्य), **cicāya** (चिकाय), **cicye** (चिक्ये). Встаёт даже вопрос, а не являются ли формы **cikāya** (चिकाय) и **cikye** (चिक्ये), скорее, потомками корня **ki** (कि), чем действительными потомками от родительского корня **ci** (चि), в гнезде которого они нашли дом.

Когда эти элементы указанной вариации отмечены, мы находимся в позиции, когда мы готовы пройти ко второй стадии расцвета речи, – от корневой стадии к стадии, в которой мы следуем естественным переходом к структурному развитию языка. Пока мы имеем язык, сформированный из простейших и самых регулярных элементов. Семья-звуки, – восемь гласных и их четыре модификации; пять классов согласных и назальных; один комплект из плавных или полугласных; три шипящих; один придыхательный, – основанные на каждом из них; их первые развития, примитивные и родительские корни, как те, что появились из семья-звука **v** (व): примитивная корневая группа **va** (व), **vā** (वा), **vi** (वि), **vī** (वी), **vṛ** (वृ) **vṝ** (वृ̄) и, возможно, **vu** (वु), **vū** (वू), **ve** (वे), **vai** (वै), **vo** (वो), **vau** (वौ); вокруг каждого примитивного корня его семья из вторичных корней – как вокруг примитивного корня **va** (व) его семейство из **vak** (वक्), **vakh** (वख्), **vag** (वग्), **vagh** (वघ्); **vac** (वच्), **vach** (वच्छ), **vaj** (वज्), **vajh** (वज्ह); **vaṭ** (वट्), **vaṭh** (वट्ह), **vaḍ** (वड्), **vaḍh** (वड्ह), **vaṇ** (वण्); **vat** (वत्), **vath** (वथ्), **vad** (वट्), **vadh**

¹ В конце предложения какой-то текст, очевидно, был опущен (похоже, он был перенесен в предложение, стоящее через одно далее), и два финальных слова этого предложения, **cikāya** и **cikye**, «повисли в воздухе», поэтому они были убраны из перевода. В оригинале финальная часть этого предложения выглядит так: “...the noun **vākya** (वाक्य) from the root **vac** (वच्), the perfect **cikāya** (चिकाय) and **cikye** (चिक्ये)”. – Перев.

(वध्), **van** (वन्); **vap** (वप्), **vaph** (वफ्), **vab** (वब्), **vabh** (वभ्), **vam** (वम्), а также, возможно, **vay** (वय्), **var** (वर्), **val** (वल्), **vav** (वव्); **vaś** (वश्), **vas** (वस्), **vah** (वह्); восемь или больше семейств этой группы, формирующие корневой род с определённым изменчивым количеством третичных потомков, таких как **vañc** (वञ्च्), **vañg** (वङ्ग्), **vand** (वन्द्), **valg** (वल्ग), **vañs** (वंस्), **vañk** (वङ्क्) **vraj** (व्रज्) и т.д. Сорок этих родов могли бы образовать весь спектр примитивного языка. Каждое слово в примитивной природе языка, как каждый человек в примитивной структуре человеческого общества, осуществляет одновременно несколько функций, имени, глагола, прилагательного и наречия, одновременно; изменения голоса¹, использование жеста и быстрота инстинкта компенсируют отсутствие деликатности и точности в оттенках речи. Такой язык, как бы невелик был его диапазон, ясен, обладает великой простотой, механической регулярностью формации, построенной совершенно в его маленьком диапазоне автоматическими методами Природы, и достаточен, чтобы выразить первые физические и эмоциональные нужды человеческой расы. Но возрастающие требования интеллекта должны в своё время вызвать свежий рост языка и более замысловатое расцветание форм. Первым инструментом в таком росте, первым по срочности, важности и времени, был бы импульс к более формальному различению между действием, [*действующим*] агентом и объектом, и поэтому это был бы инструмент установления своего рода формального различия, каким бы смутным оно ни было бы вначале, между идеей имени и идеей глагола. Второй импульс, возможно одновременный, был бы направлен на то, чтобы различать

¹ Помимо интонации, тембра, ритма и других подобных приёмов, расширяющих выразительность языка, использовалось и ударение, расширяющее состав ведийского вокабулярия, – так, разное место ударения отличало идентичные в других отношениях по звучанию слова, например, **yáśas** «великолепие» и **yaśás** «великолепный». – Перев.

структурно,— ибо возможно, что различные корневые формы уже использовались для этой цели,— разные линии и оттенки действия, и потому это был бы инструмент установления в современном языке временных форм, залогов и наклонений. Третий импульс шёл бы к формальному различению разных атрибутов, таких как число и род, и разных отношений самих субъекта и объекта с действием, и потому это был бы инструмент установления падежных форм и форм для единственного, двойного и множественного числа. Разработка специальных форм для прилагательного и наречия, похоже, стала более поздней, фактически, самой поздней, из операций структурного развития, потому что в раннем менталитете нужда в этих различениях была менее насущной.

Когда мы экзаменуем сейчас то, как говорящие на арийских языках древние управлялись с удовлетворением этих нужд, и само это новое и богатое расцветание языкового растения, мы находим, что Природа в них была совершенно верна принципу её первых операций и что вся могучая структура санскритского языка была построена очень небольшим расширением её оригинального движения. Это расширение было осуществлено и сделано возможным простым, необходимым и неизбежным приёмом использования гласных **a** (अ), **i** (इ), **u** (उ) и **r̥** (ऋ) с их долгими формами и модификациями в качестве энклитических или аффиксальных звуков, впоследствии используемых иногда в префиксах к корню, но сперва использованных, лишь чтобы сформировать постфиксные¹ звуки. Арийцы с помощью этого

¹ В оригинале – “appendage sounds”. В данном контексте речь идет о звуках, участвовавших в образовании добавляемых после корня постфиксов,— конкретнее, суффиксов и окончаний (флексий). При этом у имён и наречий суффиксы играют словообразующую роль (имеют деривационное значение), в то время как глагольные суффиксы обладают грамматическим или лексико-грамматическим значением. Флексии же служат для выражения и образования разных граммем слова.— Перев.

приёма,— точно так же, как они сформировали корни-слова добавлением согласных звуков к примитивным корневым звукам, добавляя, например, **d** (द) или **l** (ल्) к **va** (व), сформировали **vad** (वद्) и **val** (वल्),— сформировали сейчас структурные звуки, добавляя к развитому корню-слову любой из таких согласных звуков, использованный самостоятельно или соединённый с другими, а также с энклитическим звуком, выступающим в качестве либо вспомогательного соединительного, либо вспомогательного формирующего, либо в том и другом качестве, или же добавляя один только энклитический звук как субстанциональный постфикс. Так, имея корень **vad** (वद्), они могли формировать из него по желанию, добавлением согласного **t** (त्), **vadat** (वदत्), **vadit** (वदित्), **vadut** (वदुत्), **vadṛt** (वदृत्) или **vadata** (वदत्), **vadita** (वदित), **vaduta** (वदुत्), **vadṛta** (वदृत्), или **vadati** (वदति), **vaditi** (वदिति), **vaduti** (वदुति), **vadṛti** (वदृति) или **vadatu** (वदत्), **vaditu** (वदितु), **vadutu** (वदुत्), **vadṛtu** (वदृत्), или же **vadatri** (वदत्रि), **vaditri** (वदित्रि), **vadutri** (वदुत्रि), **vadṛtri** (वदृत्रि); или же они могли использовать только энклитику и сформировать **vada** (वद), **vadi** (वदि), **vadu** (वदु), **vadṛ** (वदृ), или они могли добавить соединительные звуки **tr** (त्र), **ty** (त्य), **tv** (त्व), **tm** (त्म), **tn** (तन्) и произвести такие формы, как **vadatra** (वदत्र), **vadatya** (वदत्य), **vadatva** (वदत्व), **vadatma** (वदत्म), **vadatna** (वदन्न). На деле, мы не находим и вряд ли могли бы ожидать найти все эти возможности действительно используемыми в случае одного слова. С ростом интеллектуального богатства и точности должен происходить соответствующий рост в ментальной воле-деятельности и замена процессов механистического ума более ясными и осознанно селективными умственными процессами. Тем не менее, мы находим практически все эти формы, распределённые по корневым родам и семействам мировой арийской нации [языков]. Мы находим простые именные формы, построенные добавлением единственного энклитического звука, богато и почти повсеместно распространёнными. Богатство форм гораздо более велико в ранней арийской речи, чем в более поздней литературе. От корня **san** (सन्), например, мы находим в ведийской речи все формы **sana** (सन), **sani**

(सनि), **sanu** (सनु) (сокращённый в **snu** स्नु), но в более позднем санскрите все они исчезли. Мы находим в Веде такие варианты, как **caratha** (चरथ) и **carutha** (चरुथ), **raha** (रह) и **rāha** (राह), но в позднем санскрите слово **caratha** (चरथ) было отвергнуто, **rah** (रह) и **rāh** (राह) сохранились, но жёстко разнящимися в их значениях. Мы находим, что основная часть имён, относится к именным формам на **a** (अ)¹, некоторые – к формам на **i** (इ), некоторые – на **u** (उ). Мы находим, что предпочтение отдаётся простому глухому согласному, а не придыхательному, и что глухой² звук **p** (प) встречается чаще в структурных существительных, чем **ph** (फ) или **bh** (भ), хотя оба, **ph** (फ) и **bh** (भ), встречаются, что **p** (प) встречается чаще, чем **b** (ब), но **b** (ब) встречается тоже. Мы находим, что определенные согласные предпочтительнее других, особенно **k** (क्), **t** (त्), **n** (न्), **s** (स्), – которые используются сами по себе либо в их комбинациях; мы находим определённые постфиксные формы, как **-as** (अस्), **-in** (इन्), **-an** (अन्), **-at** (अत्), **-tri** (त्रि), **-vat** (वत्), **-van** (वन्), формализованные в регулярные именные и глагольные окончания. Мы видим двойные суффиксы³: бок о бок с простым **jitva** (जित्व) мы можем иметь **jitvara** (जित्वर), **jitvan** (जित्वन) и т.д. Повсюду мы видим или угадываем за нынешним состоянием санскритского языка широкий и естественный труд формации, за которым следовал сужающий процесс отвергания и селекции. Но всегда один и тот же оригинальный принцип, либо

¹ Обычные некорневые имена, оканчивающиеся на а, образуют более половины все именных основ, а также многочисленные прилагательные.– Перев.

² В оригинале, явно ошибочно, звук назван звонким, “the **soft p**”; ранее Шри Ауробиндо пишет о нём: “Each of these classes consists of a **hard** sound, **k** (क्), **c** (च्), **ṭ** (ट्), **t** (त्), **p** (प)”.– Перев.

³ Максимальная структура слова в ведийском языке: префикс-1 + префикс-2 + префикс-3 + корень-1 + корень-2 + суффикс-1 + суффикс-2 + суффикс-3. При этом тройное использование префикса или суффикса очень редко, гораздо чаще встречаются двойные префиксы и двойные суффиксы.– Перев.

просто, либо комплексно применённый, с модификацией или без модификации корневых гласных и согласных, является и остаётся всем базисом и средством именной структуры.

И в вариациях глагола, и в формировании падежа мы всегда находим один и тот же принцип. Корень спрягается добавлением таких постфиксов, как **-mi** (मि), **-si** (सि), **-ti** (ति) и т.д., **-m** (म्), **-y** (य्), **-h** (ह्), **-ta** (त्), **-va** (व्) (все они использовались также для именных структур) либо просто, либо с использованием энклитического **a** (अ), **i** (इ) или, редко, **u** (उ), короткого, удлинённого или модифицированного, давая нам такие формы, как **vacmi** (वच्मि), **vakṣi** (वक्षि), **vadasi** (वदसि), **vadāsi** (वदासि), **vadat** (वदत्), **vadati** (वदति), **vadāti** (वदाति). В глагольных формах используются другие устройства, такие как вставка дополнительного [суффикса] **-n** (न्), **-nā**, (ना), **-nu** (नु) или **-ni** (नि), которым отдаётся предпочтение по сравнению с простой гласной энклитикой; префиксальная энклитика **a-** (अ), или аугмент¹, чтобы помочь зафиксировать временное значение; редупликация² сущностной части корня, производимая разными способами, и т.д. Отметим многозначительный факт, что даже здесь ведический

¹ Аугмент, иначе, приращение, это один из формальных аффиксов, указывающих на прошлое время в имперфекте, аористе, плюсквамперфекте. Он добавляется к корню или к слогу ударения, если таковой есть. При наличии неотделимого префикса аугмент занимает место между этим префиксом и корнем или слогом удвоения: **pari-a-yās** «ты обошел вокруг» от **pari+yā**. В Веде у форм со вторичными окончаниями аугмент часто отсутствует. В постведийском аугмент становится обязательным для форм определенной структуры.– Перев.

² Редупликация – это удвоение корня: либо всего корня (полная, или усиленная редупликация) у интенсивов, напр., **cal** «шевелиться», int. **cal-cal-ī-ti**, либо части корня (неполная редупликация). Неполная редупликация производится по 5 правилам (здесь не приводятся). Она применяется при образовании основы у презенса III класса, одного из типов аориста, перфекта, причастий от основы перфекта, плюсквамперфекта, дезидеративов.– Перев.

санскрит гораздо богаче и свободнее в своих вариациях. [*Более поздний*] санскрит более узок, ригиден и селективен; ведийский использует альтернативные формы, как **bhavati** (भवति), **bhavaḥ** (भवः), **bhavate** (भवते). Постведийский отвергает все, кроме первой. Падежные изменения формы отличаются от изменений глагольных форм только в добавляемых [*к последним*] префиксах, не в своём принципе и даже не сами по себе: **-as** (अस्), **-am** (अम्), **-ās** (आस्), **-os** (ओस्), **-ām** (आम्), все являются как вербальными, так и именными суффиксами¹. Но фундаментально весь язык со всеми своими формами и суффиксами является неизбежным результатом использования Природой в человеке одного единственного богатого устройства, одного единственного фиксированного принципа звуковой формации, характеризующейся удивительно немногочисленными вариациями, поразительно фиксированной, императивной и почти тиранической регулярностью, но также свободным и даже избыточным оригинальным обилием в формации. Сам суффиксальный характер арийской речи является не случайностью, а неизбежным результатом, неизбежным почти физически, первой семенной селекции звукового процесса, той оригинальной и по своей видимости незначительной селекции закона индивидуального бытия, который лежит в основе всех бесконечно варьирующихся регулярностей Природы. Если однажды была соблюдена верность этому уже выбранному принципу, то остальное становится результатом, проистекающим из самой природы и потребностей имеющегося звукового инструмента. Поэтому во внешней форме языка мы видим операцию регулярного натурального закона, почти так же, как когда Природа в физическом

¹ Пример служит лишь для иллюстрации тезиса о схожести использования флексий в спряжении глагола и склонении имён. В массе же своей, различий между флексиями, конечно, много.— Перев.

мире проходит дальше, чтобы сформировать растительный или животный род и его виды.

Мы должны сделать один шаг в понимании законов, которые правят источником и ростом языка; но этот шаг – ничто или мало значит, если мы не сможем найти равную регулярность, равное царствование фиксированного процесса на психологической стороне, в определении отношения определённого значения и определённого звука¹. Не произвольный или интеллектуальный выбор, а естественная селекция определяла рост и организацию звуков, простую или структурированную, в их группы и семьи. Произвольный или интеллектуальный выбор либо же это закон натуральной селекции определил их значения? Если верно последнее, а так и должно быть, если Наука Языка возможна, тогда, имея именно эту организацию значащих звуков, определённые истины последуют неизбежно. Во-первых, семя-звук **v** (व), например, должен иметь в себе что-то врождённое, что соединяет его в уме человека изначально в первом натуральном состоянии речи, с актуальными значениями, рождаемыми примитивными корнями **va** (व), **vā** (वा), **vi** (वि), **vī** (वी), **vu** (वु), **vū** (वू), **vṛ** (वृ) **vṛī** (वृी) в примитивном языке. Во-вторых, какие бы вариации в значении ни имелись между этими корнями, они должны были обуславливаться изначально некой врождённой тенденцией в варьирующемся, т.е. в гласном элементе, в **a** (अ), **ā** (आ), **i** (इ), **ī** (ई), **u** (उ), **ū** (ऊ), **ṛ** (ऋ), **ṛī** (ऋी). В-третьих, вторичные корни, зависимые от **va** (व), такие как **vac** (वच्), **vakh** (वख्), **vañj** (वञ्ज्), **vam** (वम्), **val** (वल्), **vap** (वप्), **vah** (वह्), **vaś** (वश्), **vas** (वस्), должны иметь общий элемент в их значениях и, в той мере, в какой

¹ Ранее в работе Шри Ауробиндо, напомним, пишет: «Мы избавляемся от идеи общепринятой фиксированной связи между звуком и его значением, и мы постигаем, что определённый объект выражается определённым звуком потому, что по той или иной причине этот звук внушал определённое и впечатляющее действие или характерную черту, которые отличали этот объект для более раннего человеческого ума». – Перев.

они оригинально различаются, они должны иметь варьируемый элемент, являющийся результатом различающегося звука, согласного конечного **c** (च), **j** (ज), **m** (म), **l** (ल), **p** (प), **h** (ह), **ś** (श्), **s** (स) соответственно. Наконец, в структурном статусе языка, хотя в результате растущей силы сознательной селекции другие детерминирующие факторы могут входить в селекцию определённых значений для определённого слова, всё же оригинальный фактор не может не оказывать воздействия и такие формы, как **vadana** (वदन), **vadatra** (वदत्र), **vada** (वद) и др. должны были управляться в развитии их значения главным образом их субстанциональным общим звуковым элементом и до определённой степени их переменным и подчинённым элементом. Я попытаюсь показать экзаменацией санскрита, что все эти законы являются актуальной истиной арийской речи, что их истина рождена из или зачастую устанавливается вне всяких сомнений фактами языка.

Глава I

В тот многообещающий период Европейского знания, когда физическая Наука, вошедшая внезапно в свою полную силу, готовилась открыть новые перспективы, новые пути и новые инструменты открытия, приведшие к поразительным результатам девятнадцатого века, европейскому уму был предоставлен удобный случай для сходного мастерства нефизических наук. Был открыт санскритский язык. Сперва представлялось и ожидалось, что это открытие приведёт к результатам таким же важным, как и те, которые последовали из открытия греческой литературы Западной Европой после падения Константинополя. Но эти ожидания остались неосуществлёнными. Европейское знание последовало другим путям, и семенем девятнадцатого века было яблоко Ньютона, а не Шакунтала Сэра Уильяма Джонса¹ или первое издание Вед². Открытие санскрита оказало, действительно, большое влияние на так называемые науки Сравнительной Филологии, Сравнительной Мифологии, Религиоведения, этнологии и социологии; но эти ветви знания не являются науками, они представляют собой систематизированные спекуляции. Их частные выводы часто меняются от одного обобщения к другому и ни один из них, даже самый несомненный, не обладает той же несомненностью, которая имеется у научного обобщения в области

¹ **śakuntalā**, драма Калидасы (**abhijñāna śākuntalam**), первое индийское произведение, переведённое на европейский язык. Перевод с санскрита на английский осуществил Сэр Уильям Джонс (Sir William Jones, 28 сентября 1746 — 27 апреля 1794).– Перев.

² Первая в Европе публикация части самхиты с её переводом на латинский: **Friedrich Rosen**. *Rigveda-Sanhita: Sanscritè et Latinè* / [Translated into Latin and edited by Friedrich August Rosen].– Liber Primus.– London 1830). Первое издание текста всей Веды: **Friedrich Max Müller**. *The Hymns of the Rigveda, with Sayana's commentary*.– London, 1849-75.– Перев.

физического исследования. Закон гравитации – это перманентная истина науки; закон, что все мифы стартуют от солнца, закон Соляризации, если я могу его так назвать, является изобретательным заблуждением, которое выжило вообще лишь потому, что он доставлял удовольствие поэтическому воображению. Так велика была неудача, что даже возможность Науки речи была с готовностью отвергнута. Но это – чрезмерное умозаключение, реакция разочарованного ожидания преувеличила значение этой неудачи. Сказать, что науки речи не может быть, значит сказать, что движения ума управляются не доступными уму процессами, а, скорее, непредсказуемым капризом – предположение, которое не может быть принято. Доступные уму процессы имеются для всякой естественной деятельности, и поэтому также для деятельности ума и его инструмента, речи; трудность в том, чтобы обнаружить их точные линии действия. Нам нужен достаточный материал и правильный материал; нам нужен также правильный подход к материалу. Когда это открыто, процессы тоже будут открыты и Наука речи найдена.

В этом томе я привожу результат определённых попыток, которые я сделал, подойти к проблеме с новой позиции. Санскрит, я считаю, является ключом к проблеме. В большинстве других языков мы имеем вторичные или третичные речевые формации; мы должны пройти за имеющуюся перед нами форму и реконструировать её родительский язык, чтобы обнаружить, вероятно, что этот родительский язык снова должен быть подвергнут сходному процессу реконструкции. [*В случае этих языков*] у нас недостаточно материала для такой задачи; ни один инструмент, которым мы владеем, не может пройти достаточно глубоко. Но санскрит, благодаря особой верности своим источникам, являет нам первичную форму речи, в которой вокабулярий, действительно, является поздним – новая структура словесной плоти и ткани, но основы этой структуры примитивны и обнаруживают корни своего существа и выдают принципы своей формации. Неудача сравнительных филологов в использовании их шанса был сигналом; он

даже затмил результат созданием ложной системы; но он не более фатален или окончателен, чем неуспех Аристотеля в открытии закона гравитации, хотя он должен был видеть много фруктов, падающих со многих ветвей. Санскрит всё ещё стоит, предлагая нам свои секреты.

Фундаментальная ошибка филологов содержится в их знаменитой первоначальной формуле **pitā, patēr, pater, Vater, father**, и в поспешных выводах, которые они извлекли из неё, что воспрепятствовали более глубокому изучению корня языка. Идентичность слов разных языков никогда не может сама по себе привести к какому-либо фундаментальному открытию. Она не доказывает даже, что языки, так согласующиеся, принадлежат одному источнику. Во многих самых обычных терминах родства тамильский и санскрит согласуются, но они всё же считаются принадлежащими разным семействам. Всё, что это доказывает, это не идентичность их терминов, а их контакт, — настолько тесный контакт одного языка с остальными, что определённое количество общих идей и отношений стало выражаться терминами, заимствованными у него. Больше ничего не доказано: мы не продвинулись ни на шаг к науке языка. Даже классификация языков как арийских, дравидских, семитских не может быть названа научной; она носит эмпирический характер и зависит от идентичностей, которые не могут быть фундаментальными. Мы должны идти глубже. Европейская филология стартовала с идентичностей слов и идентичности финальных словесных значений. Я предлагаю стартовать с идентичности корней и идентичности оригинальных и производных корневых значений и даже от идентичностей звуков и идентичностей фундаментальных и применяемых звуковых значений. Я полагаю, что таким образом можно установить единство арийских языков и некоторые, по крайней мере, из законов, управляющих рождением и развитием арийской речи. Моё изучение не приведёт меня дальше. Я не претендую пока выявить законы речи — только установить из имеющихся данных некоторые факты арийской речи,

которые в конечном итоге могут помочь в решении более широкой проблемы.

Также и в другом отношении филологи, кажется мне, неправильно поняли условия их исследования. Эти условия были недостаточно жёсткими и, всё же, слишком жёсткими. Они были слишком жёсткими в том, что они не допускали гибкость ментальных движений. Они искали одну и ту же неизменную последовательность, которую мы наблюдаем в физическом мире, и допускали закон только там, где такая последовательность, как им казалось, появлялась. Законы физической формации следуют фиксированной линии и являются даже... фиксированной манерой¹ действия. Но с ростом жизни в материи туда приходит растущий элемент свободы, более неуловимый принцип и более эластичная вариация; по этой причине наука нашла жизнь более трудной для измерения и анализа, чем материю, и её победы здесь² были гораздо менее выдающимися, чем в чисто физической области. Разум приносит с собой ещё более свободную игру, ещё более неуловимый принцип и гибкое приложение. Главный закон всегда признаётся, но приложение, конкретные процессы... более тонки и ещё более многочисленны. Наука, не беря в расчет этот закон возрастающей свободы, осуществила в сфере ума мало или ничего. Когда мы имеем дело с законами речи, мы должны помнить об этой гибкости всех умственных процессов. Мы должны сами сохранять гибкий ум, чтобы следовать ей, и держать глаза открытыми для всех вариаций. Именно регулярность в нерегулярности нужно всегда высматривать, а не фиксированную и продолжающуюся регулярность. С другой стороны, немногочисленные законы, которые Филология

¹ В оригинале – «*fashion*», фасон, образ, манера.– Перев.

² Такие научные дисциплины, как биология, анатомия, медицина, психология, теряют свою уверенность и основательность, стоит им повернуться от материального тела к нематериальным аспектам живого существа.– Перев.

допустила, были использованы,— из-за своего рода ложной компенсации за их изначальную узость,— с излишней свободой и даже с неопределённой игрой фантазии. Часто, в действительности, вместо того, чтобы работать как закон, филологический принцип выступает как изобретательное средство для изобретения словесных идентичностей.

Я отрицаю валидность,— как и любой другой ошибки несовершенного исследования,— ригидного филологического развода между дравидским и арийскими языками. Был ли там отдельный дравидский ствол, или нет, для меня очевидно, что тамилы владеют не только самыми обычными терминами, но и целыми семействами слов, общими с оригинальной арийской речью. Такие свидетельства не могут игнорироваться в таком исследовании, которое я осуществил, ибо они обладают величайшей важностью. Действительно, теория, выработанная нами, поднялась изначально не из какого-либо анализа санскритской словесной системы, а из наблюдения за взаимоотношениями тамильского в его неконкретизированном элементе с греческим, латынью и языками Северной Индии. В то же время именно на анализ санскритской словесной системы я главным образом опирался. Я опустил из этой системы большинство из её ведических элементов. Значение ведических слов часто в высшей степени спорно, и было бы ненадёжно уповать на значения, зафиксированные ли европейскими учёными, или на те, что были зафиксированы века назад Саяной или даже Яской. Было лучше и вполне достаточно для моего непосредственного намерения опираться на классический язык с его не вызывающими сомнения и надёжно установленными значениями.

Таковы направления, в которых я осуществил своё исследование. Полное доказательство достигнутых результатов зависит от более обширного труда детальной классификации и семейств корней, и семейств слов во всех крупных арийских языках — работа, которая уже осуществляется, но ещё не завершена. То, что я написал в этой книге,

будет, я надеюсь, считаться достаточным для надёжного основания. Если не больше, это может, вероятно, вести к более глубокому и свободному приближению к проблеме источника речи, которое, однажды предпринятое в правильном духе и с глазом, [пригодным] для более тонких ключей, не может не привести к открытию первостепенной важности для человеческой мысли и знания.

Глава II

В обычном языке, который не сохранил свидетельства своих источников, мы вынуждены стартовать с полностью сформированного слова как его первого и самого раннего документа. Тогда мы находим слова существующими в очень маленьких, несвязанных семействах, в маленьких индивидуалистических группах, которые, по видимости, начали свою жизнь по собственному почину без какого-либо наблюдаемого роста из общего запаса с другими словами, которые имеют, физически, расовое сходство с ними. Мы все можем видеть, что **doceo**, **doctrina**, **doctor**, **docilis**, **documen**, **doctus**, **docte**¹ принадлежат к одному семейству. Они удостоверяют своё родство открыто. Из этого признанного родства мы можем сделать определённые важные выводы, – особенно закон развития из общего корня и определённых фиксированных форм, добавлением которых к корню это развитие было осуществлено. Это – начало, но оно не ведёт нас за пределы поверхностных слоёв нашего предмета изучения.

Ибо когда мы смотрим дальше, нас встречает серьёзная трудность. Мы находим определённое количество слов, которые в своей формации могли бы показаться соединёнными, как в семействе, на которое мы бросили взгляд выше, хотя соединёнными и не столь структурно – **doleo**, я горю, **dolenter**, мучительно, **dolor**, горе, очевидно связаны между собой; **dolus**, обман, **dolosus**, обманчивый, **dolose**, обманчиво, тоже между собой связаны; **dolo**, я рублю, режу или разбиваю, **dolabra**, топор, тоже связаны. Но в самой латыни между тремя этими семействами мы не имеем доказательства какой-либо

¹ Латинские слова: **dōcēo**, учить, инструктировать; **doctrīna**, доктрина, принцип, учение, обучение, образование; **doctōr**, учитель, инструктор, тренер; **dōcīlis**, легко обучаемый, понятливый; **dōcūmēn**, пример, образчик, предупреждение, доказательство; **doctus**, наученный, обученный; **doctē**, умело, научно, почётному. – Перев.

связи. В языке, который настолько стёр свои оригинальные фонетические формы, что совершенно несвязанные слова носят одно и то же или схожее платье, это отсутствие связи не приведёт ни к какому дальнейшему выводу, кроме как о нашей простой неспособности установить эту связь. Но латынь – это язык, который сохранил свои фонетические формы в значительной степени. Если тогда три этих маленьких семейства совершенно несвязанны, тогда любая надежда на установление либо эффективной Науки Речевых Истоков, либо же науки Арийских Речевых Источников должна быть оставлена. Ибо предположение, к которому мы неизбежно должны были бы прийти, стало бы утверждение о наличии трёх оригинальных корней, **dol**, горевать, **dol**, резать или расщеплять, **dol**, обманывать, не связанных друг с другом в своих истоках. Как тогда их значения были увязаны с ними? Случайно? капризом? произвольным предпочтением? каким-то неясным психологическим законом, который мы не можем отследить? Мы больше не можем надеяться на решение.

Гипотеза, с которой я стартую, – а моя попытка соединить то, что внешне не соединено, без чего не может быть науки, должна стартовать с гипотез, – заключается в том, что такого отсутствия связи здесь нет, что **dol**, горевать, **dol**, расщеплять и **dol**, обманывать, должны были быть и были одним корнем, а не тремя, и что три разных значения, приданные ему, были развиты не капризом, случаем или произвольной селекцией, а имели натуральную связь и были развиты в интеллекте доступным для ума психологическим движением за интеллектом от оригинального общего значения или ментального впечатления, созданного в арийском уме звуком **dol**. Ибо, я считаю это очевидным, речь должна была стартовать из того, что мы в Индии называем Гуной звука, каким-то натуральным свойством конкретных звуков производить в определённых условиях определённый род впечатления на ум, которое постоянно ассоциируется с этим звуком и становится базисом множества особых интеллектуальных значений, называемых нами значением слов, намного более переменных,

намного менее фиксированных, чем базовое ментальное значение. Впоследствии интеллект, сознательно играя со звуком через ассоциацию, аналогию, фигуру, метафору и сравнение, через передачу, через множество средств, может увести интеллектуальное значение далеко за пределы оригинального ментального впечатления. Всё же, если мы имеем какое-то свидетельство, могут быть найдены ключи, и тогда слово-скиталец может быть отслезено до его родительского ментального впечатления. По этой причине мы должны взять примитивный язык, когда он юн, или же найти тот, который, даже в его зрелости, более верен, чем другие, своей примитивной форме и сохраняет на своём лице многое от своей античной истории. Таким языком является санскрит; он является, фактически, единственным языком, который вообще отвечает нашей нужде.

Но такой звук, как **dol**, не является и не может быть чистым, первичным и изолированным звуком. Он имеет представителей того же рода, по крайней мере в форме, братьев, кузенов, более дальних родственников. Влечёт ли это родство в форме изначальное родство и в ментальном впечатлении и потому – в истории происхождения значения? Если теория Гуны верна, такое родство там должно быть. Поворачиваясь от латыни к более плодотворному полю, более обильному свидетельству санскрита, мы находим этот корень **dol** в форме **dāl** (где **a** звучит как английское **u** в слове “*dull*”¹ и представленный и в греческом, и в латыни одним из символов **ǎ**, **ŭ** или **ö**), также означающий расщеплять, разбивать и затем цвести, раскрываться. Мы находим **dala**, фрагмент; лезвие, лепесток или лист; или находим **dalapa**, оружие, то, что разделяет; точно так же, как мы имеем **dolabra**², топор, из **dolo**³; **dalmi**, молнию Индры и также бога

¹ Звук сходен с русским «а».— Перев.

² **dōlābra** (лат.).— Перев.

³ **dōlo** (лат.), рубить, крошить и др.— Перев.

Шиву, **dalika**, дубина, которая разбивает. Мы имеем также **dalbha**, означающее обман, непорядочность, грех, и так мы установили, что и в санскрите тоже корень **dal** означает обманывать, равно как и расщеплять. Мы находим также причину, почему корень **dal** стал означать обманывать, ибо слово **dala** означает не только лезвие оружия, но и его ножны. Другими словами **dal** должно было породить значение скрывать или содержать. Мы находим из других санскритских примеров, что идея сокрытия или прятания вела естественно в арийском уме к идее обмана или мошенничества, как в **chad**, покрывать, **chadman**, маскировка, отговорка, обман, непорядочность, трюк. Но как эти два значения, укрывать и расщеплять, соединены? То, что они соединены установлено с высокой долей вероятности, по крайней мере словом **cha**, режущий, разделяющий, фрагмент или часть, которое в женской форме **chā** означает скрывать, прятать, а в нейтральной **cham** – дом, то, что укрывает. Если они соединены, идея разрезания должна была привести к идее отрезания, разделения, укрывания, а от неё к значению, которое мы находим в **chadman**, сокрытие, маскировка, обман. В санскрите или в греческом отчётливое значение «боль» не связано с корнем **dal**; но мы находим, что слово **dabdha** в санскрите означает сокрушённый, угнетённый, растоптанный, и более курьёзно и многозначительно мы находим **dālanam** в значении зубной боли. Нетрудно увидеть, как идея разрезания, разрывания, раздиранья легко приводит к значению особого рода боли, а затем стиранием этого особого значения, к значению боли вообще. Но мы находим больше. Мы находим не только **dal**, но и другие слова, родственные по звучанию, имеющие что-то от той же истории. Например, **dambh** означает убивать, уничтожать, разить; но **dambha**, существительное, соответствующее этому глаголу, означает уловку, обман, мошенничество, грех, бахвальство, гордость (мы видим, как стартуя от идеи намерения обмануть или от притворства мы приходим к совершенно отличной идее выставления напоказ, хвастовства без обмана, или к гордости,–

опять же, стиранием особого значения); мы находим **dambha** и **dambholi**, означающие, как **dalmi**, молнию Индры, а **dambha** означает также, как **dalmi**, бога Шиву. Невозможно не прийти к выводу, что для арийского уме **dambha** и **dalmi** были словами столь близкими в своём родстве, что они легко производили одинаковое впечатление на ум и несли одинаковое значение интеллекту. Но что общего между двумя этими корнями? Это – звук **da**, который должен поэтому, по моей теории, иметь Гуну или ментальное впечатление, которое естественно прикрепляется к двум корням, **dal** и **dambh**.

Поэтому это – второй шаг моей теории, что не только три семейства **dal** должны быть одним семейством, что не только один корне-звук должен изначально иметь одно корневое значение, но и что все родственные корне-звуки должны быть также одной семьи и происходить от простого звука, содержащего согласный и гласный, который является общим для них всех, и что Гуна, или натуральное впечатление, оказываемое на ум, принадлежащая этому простому звуку, должна быть базисом не только интеллектуальных значений, свойственных его потомству, но и даже тех, которые больше всего отличаются друг от друга. **Da** является простым корне-звуком, – первичным корнем; **dal, dambh, dabh, daś, dah, dakṣ, danś, das, dans, dagh, dañgh, danḍ, dad, dadh, dan, dam, day**, корни, которые мы находим или можем отследить в санскрите, являются его дериватами, его вторичными или третичными корне-звуками. Простой корень содержит в себе семенное значение, которое он передаёт своим детям, внукам или еще более отдалённым потомкам. Так мы в огромной степени расширили наш базис и подошли намного ближе к научному рассмотрению языка.

Давайте посмотрим, найдёт ли эта гипотеза какую-то дальнейшую поддержку в фактах санскритского языка. Мы берём значения расщеплять, распахивать, резать, рвать, крушить, уничтожать, обманывать, принадлежащие [*корню*] **dal**, мы находим то же значение или родственное значение, такое как причинение боли, то, что в **dolor**,

doleo, не только в **dambh**, но и в **dabh**, вредить, причинять боль, вводить в заблуждение, обманывать, и его ведические дериваты **dabdhī**, вред, и **dabha**, обман,— если эти значения правильны. Мы находим их в **dam**, крушить, сокрушать, и так к подавлять, пересиливать, укрощать, завоёвывать, ограничивать, и его дериватам **dama**, **damaka**, **damathu**, **damana**, **damin**, **damyā**, **dānta**; при том что последнее содержит удлинённую гласную, к чему у нас ещё будет возможность вернуться. Мы также находим в **dama**, **damathu**, **damana**, **damyā** родственное значение наказания, и мы находим в ведийском значении слова **dama** — дом, как в латинском **domus**, в греческом **domos**, **dōma** (снова отметим удлинение гласного), откуда мы сразу возвращаемся к идее укрывания, которую мы нашли в **dal**. Всё это явно является родственными корнями, принадлежащими лабиальной вариации семейства **da**, то есть вариации, сформированной добавлением звуков **p**, **ph**, **b**, **bh** и лабиального назального [*m*] или любой комбинации, в которой они являются базой, к простому звуку [*da*].

Мы поворачиваемся к другому подсемейству. В гуттуральном подсемействе¹ мы находим **dakṣ**, вредить или убивать, **dākṣāyya**, стервятник (рвущий мертвечину); **dagh**, убивать, вредить, **dāgha**, сжигание, **daṅgh**, покинуть или оставить, которые я прослеживаю до значения отрезания, отделения, отбрасывания,— ассоциация идей, которую мы найдём в санскрите снова. В церебральном подсемействе² мы находим **daṅḍ**, наказывать, штрафовать, карать, **daṅḍa**, дубина, посох или скипетр,— впоследствии любой ствол, стержень или что-то стоящее,— штраф, наказание (как в **dama**, **damathu**, **damana**); нападение, подчинение, контроль, ограничение (как в **dama**); гордость (как в **dambha**); угол, явно от значения отсекания, разделения, значение,

¹ **k**, **kh**, **g**, **gh**, **ṅ**.— Перев.

² **ṭ**, **ṭh**, **ḍ**, **ḍh**, **ṇ**.— Перев.

связывающее его в его корне с **dama**, домом, и **dala**, притворятся или обманывать. Многочисленные дериваты от **daṅḍ** и **daṅḍa** повторяют то же значение. Мы находим также **dāḍaka**, зуб или клык, и **dāḍhā**, большой зуб или клык. В дентальном подсемействе¹ мы находим **danta**, зуб; также беседка (укрывать), навес, укрытие; **dān**, резать или разделять, и его дериваты **dānava**, Титан, **dānu**, демон, также, считается, означает покорение или уничтожение (как **damana**), **dadhi**, одежда (покрывать). Мы находим в плавном подсемействе² **dal** и **day**, вредить, и в **dāya**, утрата, разрушение, часть, доля или дар. Мы находим в подсемействе шипящих³ **das**, разрушать, кусать, пересиливать (как в **dam**); разрушаться, расходовать, погибать; отбрасывать (*cf.* **daṅgh**, оставлять); и его дериваты, особенно **dasyu**, враг; **daśana**, зуб, и **daṣṭa**, укушенный; **danś**, кусать, жалить; **danśa**, кусать, жалить, рвать, зуб, острота; конечность или сустав; **dandaśa**, зуб; **damṣṭrā** и другие дериваты, варьирующие эти значения; **daśā**, разделение или период времени, впоследствии – статус или состояние, возраст и т.д. Но я нахожу также **danśana**, **danśa** и **daśana** в значении доспехов; **danśita**, покрытый кольчугой или защищённый (**dantura**, покрытый), что возвращает нас к значению накрывания. Идею защиты, уже установленную и отслеженную, мы, возвращаясь назад, находим в **dagh**, **daṅgh**, в **dānam**, защита (наравне с дар), **day**, защищать, сжалиться, с его дериватами. Значение давания, – которое мы находим в **dayā** и можем отследить до идеи разрезания, раздачи или отбрасывания, оставления, передачи, хотя [*последнее*], может быть показано, в действительности, является результатом первого [*m.e. давания*], – мы находим в **dā**, давать, **dānam**, дар, и в множестве других

¹ **t, th, d, dh, n.** – Перев.

² **y, r, l, v.** – Перев.

³ **ś, ṣ, s.** – Перев.

дериватов; **dakṣiṇā**, дар; в **dad** и **dadh**, давать, в **dasma**, жертвователь, в **day**, дарить, разделять, выделять. Мы имеем, вдобавок, **dah**, мучить, горевать, жечь; и его дериваты в том же значении; **dahara**, маленький, прекрасный, юный (*cf.* **dabhra**¹), мышь или крыса (первое), **dahra**, маленький, прекрасный, тонкий, огонь. Наконец, мы доказали предшествующее существование корня **da**, прилагательное **da** со значением дачи, разрушения, отрезания, имя **da**, дар или пожертвование, и женского рода **dā** в значении жара (**dah**) и сожаления (**dolor**). Свидетельство обладает почти подавляющей инклюзивностью. Это – семейство слов, которые несут одинаковые или родственные значения и, похоже, все возвращаются к корневому значению, разделять, обычно с какой-то идеей полноты, силы или даже насилия.

Там есть, мы должны отметить, определённое количество значений, которые не сразу отслеживаются или внешне не связываются с оригинальным значением. Некоторые из них, по некоторому размышлению, могут быть так отслежены, и свидетельство определённой ассоциации значения, от которого мы должны отгалкиваться, может быть найдено в других корневых семействах. Так мы имеем **daśā** в значении ум или понимание, **dakṣ**, быть компетентным или способным; **dakṣa** и **dakṣiṇa**, эксперт, способный, пригодный, которые соединяются с латинским **doceo**, учить, греческим **dokeō**, я думаю, кажется, и **doxa**, мнение, идея, суждение; но значение здесь явно идёт от различения или анализа, как в санскритских корнях **ci** и **cit**, **cetas** ум, и **citta** т.д.; и это возвращает нас к идее разделения и раздачи. Мы можем сравнить **dambh**, упорядочивать и тем собирать, и **ci**, несущее то же значение, равно как и сваливать в кучу, увеличивать, которые мы находим снова в **dakṣ**, расти, увеличивать (*cf.* **dānam**, добавление). Там есть и другие общие значения, соединённые, главным образом, с идеей передвижения или сияния, **danś**, сиять

¹ Маленький, лишённый чего-то; горе; едва.– Перев.

(также говорить?¹); **dakam**, вода (течь), **dakṣ**, идти или двигаться; **dagh**, идти, прыгать, течь, достигать; **dānu**, жидкость или капля; **dabh**, идти, толкать, побуждать, приводить в движение; **dabhram**, океан (течь); **das**, сиять; **dasma**, прекрасный (яркий, сияющий). Этих несвязных [с основными] значений очень мало и они редко встречаются. Встречаются они в разных частях семейства, гуттуральной, лабиальной, дентальной и сибилантной, и их присутствие и дистрибуция с ещё большей силой доказывает сейчас явную и установленную истину, что все санскритские слова, имеющие своим базисом звук **da**, принадлежат одной семье, возвращаются к простому звуку **da** как к своему простому корню существования и производят из него все свои варьирующиеся значения. Мы должны добавить тот важный факт, важный для конкретного корневого семейства и, как мы увидим, для всей теории, но не влияющий на наш главный вывод, что мы должны искать в оригинальном впечатлении на ум, оказываемым звуком **da**, некую силу Гуны, которая даёт подняться прямо к идее разделения с силой или [к идее] полноты, и [через которую] мы можем также войти в идеи движения и сияния.

Но мы ещё не закончили с этим звуком **da**. Точно так же, как производный звук **dal** имел представителей своего рода, звуки, родственные ему по форме, так и простой звук **da** имеет другие простые звуки бок о бок с собой, которые родственны ему по форме и потому должны относиться к одному с ним роду. Этими звуками являются **dā di, dī, du, dū, dṛ, dṝ**. Гласные звуки **e** и **o**, **ai** и **au** являются в санскрите просто модификациями звуков **i** и **u**, так что эти семь корней с утраченным корнем **da** формируют всё оригинальное семейство, зависящее от и имеющее в качестве своей консонантной базы звук **d**. И обнаруживая, что все эти корни являются одной оригинальной семьёй, мы делаем ещё один шаг и подходим ещё ближе к основаниям речи.

¹ **damś**, оба значения зафиксированы в словарях.— Перев.

Так что мой третий шаг в гипотезе – принять предположение и зафиксировать правило, что все простые корни, сформированные в своём звучании приращением гласного к консонантному звуку **d**, являются одной семьёй, имея Гуну этого звука как своё семя значения, точно так же как они сами по отдельности являются семенем значения для своих потомков. Мы имеем поэтому семя-звук в дополнение к примитивному корне-звуку и его потомкам, вторичным и третичным корне-звукам.

Давайте посмотрим, как эта гипотеза себя чувствует, сталкиваясь с фактами санскритского языка. Мы видели мимоходом, что **da** и **dā** являются одним и тем же корнем, один – короткой формой, другой – долгой формой. **Dā** имеет тот же смысл¹, что и **da**, а **dās**, как и **daś**, означает вредить, убивать, а также давать. Среди значений корня **dā** нет такого, которое не содержалось бы или не могло бы быть отслезено у корня **da**. Поэтому мы должны подходить к другим гласным как формирующим три, а не шесть классов корней; мы можем принимать, в отсутствии каких-либо противоречащих фактов, **dī** как удлинение **di**, **dū** – удлинение **du**, **dī** – **dī**. В семействе **da** я опустил слова, имеющие своим базисом слоги **dar** и **dār**, однако эти слова представляют великий интерес. Ибо мы находим **dara** со значением разрывания, раздиранья, а также, как **dabhra** и **dahara**, значение маленького, небольшого. Это значение разрывания, разбивания, нанесения вреда мы снова получаем в **daraṇam**, **daraṇi darita**, **dardara**, **darma**, **darva** (вред, вредный, гоблин, как в **dānu**), в **dāra**, прореха, дыра, вспаханное поле, расширяющееся до **dārāḥ**, жена, **dāraka** (также

¹ *Sense* в оригинале. Небезынтересно, что английское *sense*, как и его родитель, латинское *sensus*, имеет двойное значение – «смысл, значение» и «перцепция, чувство» (где второе, похоже, первично), неся тем объединённую идею о оказываемом Гуной на ум и чувство впечатлении, которое, в свою очередь, ассоциируется с соответствующим ментальным значением. – Перев.

ребёнок, младенец, молодое животное, значение, принадлежащее также слову **dahara**), **dāraṇam**, **dārikā**, **dāri**, **dārī**, **dārīta**, **dārin**, **darbha**, острая трава Куша, **dardura**, район, провинция, **dāru**, разрывание, раздираание, также кусок дерева, древесина или сосновая древесина, и **dāruṇa**, ужасный, грубый, жестокий, страшный, резкий, яростный или агонизирующий (от горя и боли), слово великого интереса, поскольку оно показывает нам, как моральные значения развиваются из физической идеи. Мы находим также **dara**, пещера, **daratha** и **darī** (также долина) в том же значении от идеи раскалывания или дыры, которую мы уже имели в **dāra**, **dāraka**. Опять же, мы имеем то же слово **dara** в значении потока, **darani**, водоворот, течение или буруны, **daratha**, убежание, бегство, очистка фуража, **dardura**, вода. Мы находим соединённые, вероятно, с тем же значением бегства, но актуально выражающие гнетущее тревожное чувство страха **dara**, **darad** и **darado**, страх, **daratha**, **darīta**, робкий, напуганный. Мы имеем **daridra**, быть бедным или нуждающимся, с его дериватами, соединёнными с семейством значением страдания, подавления, страдания, несчастья, горения (*cf.* **dagdha**, бедствующий, голодающий, сухой, безвкусный, несчастный, отталкивающий, отвратительный), которые мы находим в семействе **da**. Мы имеем, опять же, **dāru** в значении обильный, даритель, добрый (*cf.* **dakṣiṇa**, также означающее добрый). Есть и более курьёзные примеры. **Darad** означает среди прочих значений сердце; теперь, **dahara** и **dahra** тоже означают сердечную сумку или сердце само. **Darad** означает также холм, гору или обрыв; **dardura** подобным же образом означает гору; но в **da** семействе мы имеем также [*слово*] **da**, гору, **daśana**, вершину горы, **danta**, пик, сторону или гребень горы. Идентификация в значении этого базиса **dar** в его стволе с семейством **da** полная. Их единственные значения, не отслеживаемые до общих изначальных значений, которые не имеют параллелей в этом семействе, это те, которые выходят из идеи звука, **dardara**, **dardarīka**, музыкальный инструмент; но мы имеем в арийском просторечии слово

ḍamaru, вид барабана, которое может представлять оригинальное арийское слово, не представленное в литературном языке.

Сейчас возникает вопрос, принадлежат ли все эти слова корням **ḍr̥** и **ḍr̥̄**, или они – от корня **dar̥**?¹ Сомнения здесь нет, почти все, если не все, открыто являются детьми от ствола **ḍr̥**. Из этого следует, что корни семейства **ḍr̥** относятся к той же расе, что и корни семейства **da**, будучи, возможно, кузенами, но [*всё равно*] членами единого семейства, владеющего одним и тем же имуществом и использующего его с более чем социалистическим коллективизмом. **ḍr̥** сам означает вредить или убивать, **ḍr̥̄** – рвать, раздирать, расщеплять, разделять, рассеивать, а также бояться; **ḍr̥ti**, шкура, сумка; **ḍr̥ka**, дырка или раскрытие; **ḍr̥nphū**, змея, молния (**dambha**, **dambholi**, **dalmi**), колесо (**dalbha** тоже означает колесо); сияющее или жгучее солнце. **ḍr̥p** означает воспламенять, зажигать или причинять боль, мучить; **ḍr̥mp** тоже означает мучить, поражать, причинять страдание, **ḍr̥bh**, бояться, и **ḍr̥bdham**, страх; наконец **ḍr̥ś**, видеть, со всеми его дериватами. То, что это значение видения, которое мы находим также в **ḍr̥p** (**darpaṇa**, зеркало, **darpaṇam**, глаз), приходит не из идеи света в отражении, а из первоначальной физической идеи различения, разделения глазами, явствует из того факта, что **das** тоже означает видеть. В этом слове есть два комплекта ассоциаций, которые оказывают нам большую помощь в фиксировании точной истории определённых развитий в этом семействе. Слово **ḍr̥p** выражает только неистовую вибрирующую эмоцию; оно означает быть в великом восторге, быть диким, экстравагантным, сумасшедшим или глупым, гордым или надменным (без какой-либо идеи показного проявления, хвастовства, связанной со словом **dambha**); **darpa** означает гордость, высокомерие, кичливость, жару, мускус (из-за сильного гнетущего аромата); **ḍr̥pta** означает гордый. **ḍr̥**, опять же, означает заботиться, беспокоиться; желание, и

¹ См. выше примечание о чередовании.– Перев.

тем, поклоняться или уважать,— его корне-значением явно является забота, беспокойство или волнение из любви или других благих чувств. Мы видим более ясно сейчас, почему слова этого корня несут значение горя, страха, боли. Впечатление, оказываемое на ум этим семя-звуком, несёт с собой эту возможность выражения любой эмоции или ощущения, которое является гнетущим, тревожным, дезинтегрирующим для покоя ума. К проникающей корне-идее сильного разделения мы должны прибавить эту идею угнетённости, тяготеющую к разделению, которая так являет себя нашему наблюдению.

Но **drpta** также означает сильного и в этом значении обнаруживается снова в **dr̥ṃh**, усиливать, укреплять, быть прочным, расти или возрастать; **dr̥ḍha** — это крепкий, фиксированный, твёрдый, густой, жёсткий; **dr̥ḍham** означает железо, крепость или избыток; **dr̥bh** — связывать, скреплять, организовывать, увязывать; **dr̥ṣad** — камень или скалу; **dr̥h** — быть фиксированным или связанным, расти, возрастать или преуспевать. Мы уже встречали некоторые из этих значений в семействе **da**. Мы нашли слова там, которые означают гору, и сейчас они могут быть объяснены этим корне-значением крепкости, твёрдости, размера и густоты. Мы можем отметить группу слов, которую мы до сих пор оставляли в стороне; **dāman**, струна, нить или верёвка, перевязь, пояс, которое также означает линию или полосу (от идеи разрезания); **dāmanī**, ножные путы, **dāmā**, шнур или верёвка, и **dāminī**, молния, от идеи сияния. Мы можем также отметить, как сейчас становится видно, что род света, указываемого этим семейством, является лишь угнетающим или острым пронизывающим светом, как в словах **dāminī**, **dr̥ṃhū**, **das**, сиять, и слова, которые означают огонь или жечь. Я должен предложить, что эта идея прочности, плотности, компактности, приходит преимущественно из значения тесного тяжёлого контакта, спрессовывающего вещи вместе в прочное сцепление.

Каков, тогда, результат этой детальной экзаменации семейства корней **dr̥**? Всегда один и тот же; первое, что, как бы ни варьировали их значения, среди значений, которые слова этой семьи несут, нет такого, для которого не могло бы быть найдено параллели в словах семейств корней **da** и **dā**, которое не объясняло бы их или не могло быть объяснено ими; и, во-вторых, что эти вариации разрешаются и происходят из общей Гуны, или впечатления на ум, по разному применённой.

Опять же, есть определённое количество составных корней с основой, комбинирующейся с **d**, которые также стоило бы проэкзаменовывать здесь, как, возможно, родственные корням **dr̥**. Мы находим **drakaṭa**, литавры, **drāṅkṣ**, квакать; **druṇa**, скорпион (жалить); **dru**, древесина, дерево или ветвь (**dāru**); **druma**, дерево; **druha**, глубокое озеро; **drāgh**, удар, мучение, напрягаться, быть усталым, растягиваться, быть способным (cf. **dakṣ**, दक्ष), **drākh**, быть способным, становиться, сухой (**dagdha**; **dal** вянуть), украшать, грация (сиять), **drād**, расцеплять, разделять или быть растащенным на куски; **drāpa**, грязь, болото (что действительно является значением слова **dama**, грязь, болото), маленькая раковина (**dara** также означает морскую раковину¹); **drāva** (द्राव), жар; **druḍ**, тонуть или погибать; **druṇ**, вредить, ранить, скручивать, гнуть; **druṇa**, скорпион, мошенник; **druṇam**, меч или лук; **druh**, вредить, затаить злобу; **drū**, вредить или ранить; **drū**, золото, из идеи блеска; **dreḥ**, звучать (оригинально, диссонирующий звук, как в **drāṅkṣ**), расти или увеличиваться, быть оживлённым (**dr̥p**); **drona**, скорпион, дерево, [деревянный] ковш. Мы имеем идею желания или жажды в **draviṇam**, желание;... Мы имеем идею цельности или густоты в **dravya**,

¹ В оригинале – *conch-shell* (оксфордский словарь поясняет, что это – раковина морского моллюска, имеющая спиралевидную форму, которая, если в неё дуть, издаёт трубный звук); другие значения слова: дыра в земле, пещера; поток; страх; раскалывающий, разбивающий; яд.– Перев.

субстанция, материал, богатство, сила; **draḥiman**, крепкость, прочность и тяжесть; **drākh**, препятствовать. Всё это формирует значительный массив свидетельств, показывающих семейную идентичность этих корней с группами **da** и **dr**.

Существует несколько изолированных значений, чья связь очевидна не столь прямо, такие как **drā** или **drai**, спать, **drānam**, сон (*cf.* **nidrā**); но они, вероятно, соединены в значении с **drāgh**, быть усталым или отяжелевшим от напряжения, и будут тогда содержать общую идею тяжести или угнетённости; **drāh**, бодрствовать; **drāpa**, небо, или от сияния или от идеи покрывания; и одно или два других того же рода. Но все они могут быть отслезены с незначительной трудностью до общих значений и их количество очень невелико. Можно было бы ожидать в таком древнем и долго живущем языке как санскрит гораздо большего количества значений, которые бы отклонились слишком далеко за пределы или слишком близко к самым дальним допустимым пределам страны, занятой их [языковой] расой, чтобы их можно было легко идентифицировать или провести точные параллели среди их родственников.

Затем мы имеем несколько значений, являющихся результатом из корневого значения движения, которые имеют для нас определённую важность. Они стартуют главным образом из двух идей: бежать и течь. **Dru** означает бежать, течь, устремляться, атаковать, плавить, сочиться или просто, стиранием специфического значения, идти или двигаться. Этот корень также означает вредить и сокрушаться. Мы имеем также **druṇ**, идти, двигаться; **drū** в том же значении; **dram**, идти, снова туда-сюда (гр. **dromos**); **drapsa**, капля; **dravaḥ**, скорость и т.д., имя, соответствующее **dru**, но означающее также игру; **drava**, разжижение, плавка, бег, течение, побег, скорость; **draviṇam**, богатство, увеселение (*cf.* **div**, озеро); **dravanī**, река; **drā**, бежать, спешить, лететь (то же слово, что означает спать); **drutam**, быстро, немедленно; **drāgh**, бродить. Мы найдём, что идея движения является общей для всех санскритских корневых семейств, но в каждом случае есть определённые

специфические значения, сохраняемые в словах, где их специальные формы не претерпели стирания, которые имеют тенденцию показывать, что они оригинально указывали конкретный вид движения. Возможно и вероятно, что быстрое преодолевающее исполненное силы движение, «ринуться, броситься», родственное идее давления и разделения, является надлежащим значением движения в корнях этого семейства. Возможно даже, что слова **drava** и **dravaṇam** от **dru**, перегонка, разжижение жаром и т.д., **dakṣ**, делать, идти или действовать быстро, хранят оригинальную силу, и рассмотрение других оттенков значения под этой верхушкой показывает постепенную силу влияния стирания, феномена, изучение которого имеет такую же огромную важность в истории языка, как изучение стирания звука, на котором правильно настаивала Сравнительная Филология.

После таких весомых и убедительных результатов очень беглая экзаменация семейств **di** и **du** могла бы считаться достаточной. Тем не менее, чтобы свидетельство обладало полной силой, я буду равно внимательным к двум этим семьям, к счастью не столь многочисленными в своей популяции, равно как и к составным основам, **dy** и **dv**, и модифицированным формам **de (dai)** и **do (dau)**. Мы начинаем, как в корнях **dra**, с **diṅḍi**, вид музыкального инструмента, и затем приходим к **dita**, отрезанный, порванный, разделённый; **diti**, разрезание, разделение, щедрость; **ditya**, демон (также **daitya**, cf. **dānu**, **dānava**); **dinv**, радовать, доставлять удовольствие (**drp**); **dimp**, **dimbh**, накапливать (**dambh**), также приказывать, направлять; **div**, сиять, играть, резвиться (cf. **drava**); расточать (от значения растрачивать, разбрасывать); бросать, кидать; быть довольным, быть сонным (**drā**, **drai**); быть сумасшедшим или пьяным (**drp**); желать; раздражать, мучить, доставлять боль; и два новых значения, продавать и хвалить, – первое ассоциировано с идеей давания, доставления, распределения; второе – с идеей любви, уважения, почтения (**dr**). Продолжая, мы находим **div**, **diva** и **divan**, небеса, небо (что помогает, вероятно,

разрешить нашу предыдущую трудность **drāpa**, хотя я считаю, что оно связано с ведическим **drāpi**, одеянием или платьем), **dy** (также **divam**), свет, яркость (оригинальное значение); **divya**, божественный и т.д.; **deva**, божество, бог, ртуть, значение, которое мы имеем также в... любовник; спорт, игра; **div**, играть в спортивную игру, в азартную игру, оплакивать, сиять, бросать или кидать; **devanam** в соединённых значениях, но также гордость, движение, красота, дело или бизнес (что связывает его с **dakṣ**, а **dakṣ**, вероятно, связано с греческим **drassō**, я делаю¹, **drama**); **dih**, увеличивать, прибавлять, также натирать, намазывать (от идеи трения, давления); **de**, защищать, лелеять; **deha**, намазывание, тело (to...)²; **dehī**, вал, стена, покрывать или усиливать; **dai**, защищать, проясняться, очищать; **dī**, гибнуть, тратить; **dīh**, разрушение, руины; **dīti**, **dīditi**, сверкание, блеск; **dīna**, бедный (**daridra**), бедствующий, несчастный, печальный (**dagdha**), напуганный, робкий (**dara**, **darita**); **dīp**, сиять и его дериваты; **dīrgha**, долгий (cf. **drāgh**), **dīrghikā**, озеро, большой пруд или источник. Наконец, мы имеем **dīs**, давать, дарить, платить, выделять, отводить, показывать, указывать, учить, направлять или приказывать (cf. **dimp** выше), **dakṣa**, **deśa**, **dīsā**, направление, квартал. Последний из корней, будучи идентичным греческому **deiknumi**³, бросает свет одновременно на दृष्टि, **daśā**,

¹ В оригинале (SABCL, 21 т. 179 с.) здесь в квадратных скобках стоит знак вопроса. Однако мы имеем греческое **δράω**, «делать, действовать, поступать», с основой **dras-**. От этого же слова происходит **drama** (**δράμα**), действие, дело, драматическое действие, драма. Небезынтересно в данном контексте, что «драхма» (**drachm**, **δραχμή**) происходит от **drachme**, «горсть», которое, в свою очередь, происходит от **drasso**, **δράσσομαι**, «сжимать, хватать». – Перев.

² Вероятно, в скобках должен был стоять инфинитив «поддерживать», поскольку среди прочих значений слова **deha** имеется «поддерживать тело». – Перев.

³ **δεικνῦμι**, показывать, указывать, избличать, разъяснять, являть, посылать, проявлять, обнаруживать, выясняться, доказывать. – Перев.

понимание, **dakṣa**, греческое **doxa**, **dokeō** и латинское **docere**, я учу. Это – та же идея разделения, распознавания или объяснения, расстановки вещей по их местам, показывания, обучения¹ – семейство особых значений, которое имело столь важную и блестящую историю.

И опять, каков вывод из этого достаточно исчерпывающего заявления о значениях семейства **di** в санскрите? И опять результат остаётся неизменным. Он – совершенно тот же. Это как если бы мы настаивали конкретно лишь на этом семействе в санскрите, доказывающем теорию, с которой мы стартовали, когда [*слова семейства*] провозглашают себя все одной семьёй, с тем же самым духом, с тем же темпераментом, с тем же интеллектуальным оснащением, с теми же физическими особенностями. Абсолютно, мы вряд ли пришли хоть к одному новому значению и ни одно не может быть изолировано от остальной семьи.

Мы поворачиваемся к корням **du**. Мы начинаем с **du**, гореть, мучить, поражать, причинять боль; также идти или двигаться. Затем там есть **dūna**, испытывающий боль, горящий, возбуждённый (эссенциальная идея во всех эмоциональных значениях в этом семействе, хороших или плохих); **duḥkh**, причинять боль, поражать, причинять горе, и **duḥkha**, боль, горе, беспокойство, трудность, неприятность, трудный, нелёгкий, с его дериватами; **duḍi**, маленькая черепаха (**dulī** тоже означает черепаху); **duṇḍuka**, нечестный, обманный, со злым сердцем; **duṇḍama** (вероятно от корня **ḍam**, cf. **ḍamaru**), **duṇḍubhi**, **duṇḍu**, **duṇḍubha**, барабан; **duṇḍumā**, звук барабана; **dudh**, убивать, вредить, *приводить в движение*, с его дериватами; **dur-**,

¹ В этом месте кончается текст из первой тетради, опубликованный в SABCL (*Sri Aurobindo Birth Centenary Library*.– Volume 27.– *Supplement*.– De Luxe edition.– Pondicherry: Sri Aurobindo Ashram, 1973, pp. 163-179), и начинается текст из второй тетради, опубликованный в *Archives and Research* (vol.2, April 1978, pp. 58-64).– Перев.

префикс со значением трудного, плохого; **durv**, вредить или убивать; **duvas**, активный (*cf.* **dakṣ**, **devanam**, δράσσω [drassō]); **dul**, подбрасывать, качаться; **duṣ**, разлагать, портить, разрушать; осуждать, отменять; быть плохим, нечистым, грешным, и его дериваты (*cf.* **damṣa**, недостаток или дефект); **dūṣikā**, кисть [*для живописи*] (*cf.* **dih**, мазать), слёзы из глаз; **dūṣya**, означающее портящийся, гной, яд, но также хлопок, одежда, тент,— общее корневое значение охватывает этот неожиданный поворот, словно чтобы указать всю идентичность этих семейств; **duh**, доить или выжимать (здесь мы имеем оригинальное значение насильственного давления, уступать или даровать, наслаждаться; вредить, боль, горе) и его дериваты (*cf.* также **dogdhṛ** и **doṣaka**, оба означают телёнка); **dū**, поражать, испытывать боль; **dūrvā**, трава **kuśa** (*cf.* **darbha**); **dūra**, далёкий (отрезание, отделение); **dūśyam**, тент; и наконец **dūla**, посланник, которое должно происходить от значения приводить в движение, посылать, которое мы уже находили в этом семействе. Мы имеет также **do**, резать, делить, косить, жать; **dora**, верёвка; **doṣas**, **doṣā**, ночь, тьма (покрывать, прятать); **dos**, **doṣā**, **doṣān**, рука, предплечье, сторона фигуры (вероятно, покрывать, содержать, обнимать); **doha**¹... И снова мы не извлекли ничего [*нового*] , лишь получили подтверждение нашей теории.

Наконец, есть два связанных семейства, связанных, можно сказать, брачными узами с семенными звуками **y** и **v**. В первом мы имеем **dyu**, встречать, атаковать; **dyu**, день, небо, светлота, небеса, *острота*, *огонь*, с некоторым количеством родственных слов – **dyauḥ**, **dyumat**, **dyumān** и т.д.; **dyut**, сиять, проливать свет, выражать, с его дериватами; **dyūta**, играть в азартные игры, играть, битва; **dyūna**, играющий, горе; **dyai**, обезображивать, презирать (*cf.* **div**, делать забаву из, растрчивать, недооценивать). Во втором [*семействе*] мы имеем **dvi**, два (разделять) и его дериваты; **dvandva**, пара, соперничество,

¹ Доить; уступать дарить.— Перев.

дуальный, *крепость* (усиливать), *секрет* (прятать); **dvār**, **dvāra**, двери, ворота, проём; **dvīṣ**, ненавидеть, не любить (*cf.* **druh** и т.д.) с его дериватами; **dvīpa**, убежище, защита, пристанище, остров (разделять, отрезать, отделять), часть мира, континент; **dvīpin**, тигр, леопард (рвать, раздирать); **dvṛ**, *покрывать*, мешать (препятствие), *не обращать внимание*, присваивать (*cf.* **dasyu**, грабитель). Снова абсолютное подтверждение.

Мы совершили наш обзор этого великого **D** рода арийских слов в той мере, в какой санскритский язык содержит их и представляет нам их в своей классической форме. Никто, я думаю, не может рассматривать это свидетельство без того, чтобы не прийти неизбежно к выводу, что здесь мы имеем никоим образом не нагромождение слов, никакой язык не формируется случаем или произвольно, а физико-ментальный рост, наподобие органическому, имеющий настолько же ясные связи между своими членами, видами, семействами, подсемействами, как и любые конкретные виды физической фауны и флоры. Слова требуют друг для друга родства на каждом шагу. Ни одно семейство, ни одна маленькая группа не устаёт предъявлять своё требование, свои документы, свои устные показания. Все стоят вместе, плечом к плечу, как любой горный клан или варварское племя. Самые противоположные значения встречаются в одном слове, но всегда там есть свидетельство остального семейства, которое ведёт к их общему источнику не только в теле, но и в духе, не только в физической звуковой форме, но и в ментальном смысловом истоке и развитии. Доказательство завершено.

Мы имеем тогда одно великое семейство с общим запасом смыслового имущества, которым каждый пользуется согласно своим нуждам. Мы имеем множество значений, и все они возвращаются к немногочисленным корневым значениям. Что это за значения? Во-первых, эффективное или насильственное разделение или разобшение, во-вторых, быстрое, гнетущее, пересиливающее движение; в-третьих, тяжёлое давление или подавление; в-четвёртых, неистовая, гнетущая,

или очень возбуждённая или просто яркая эмоция; в-пятых, сильный, тяжёлый звук; в-шестых, сильный, пересиливающий запах; в-седьмых, сильное или быстрое действие; в-восьмых, сильный, сверкающий или гнетущий жар или свет; в-девятых, тесный, прочный и тяжёлый контакт или сцепление. Я перечислил их в произвольном порядке, но, думаю, небольшое размышление покажет нам, что эти девять фундаментальных идей разрешаются в одну идею тяжёлого, решающего давления, иногда в идею веса, иногда в идею преобладающего решения, применённую к фундаментальным переживаниям, которые рекомендовали бы себя недавно пробуждённому и девственному наблюдению человечества; т.е. звуку, контакту или касанию, (форме), свету, (вкусу), обонянию, движению и действию, чувству объективному и субъективному. В семействе **da** форма и вкус, похоже, отсутствуют; либо они утратили это, либо никогда не применялись в этих провинциях человеческого наблюдения. Но мы не можем всё же утверждать это с определённой, ибо мы имеем слово **deha**, тело, греческое δέμας [**demas**], форма, тело; δέμω [**demō**], строить. Очевидно также, что слова, выражающие вкус, должны быть более редкими и более ограниченными, чем слова, выражающие звук и касание. Возможно, что слова, относящиеся к форме и вкусу, были представлены образной фигурой из других первичных значений и не были сами по себе первичным приложением оригинальных ментальных впечатлений к терминам интеллектуального понимания. Мы должны проэкзаменовать языки более широко, прежде чем этот вопрос может быть решён. Другая идея, которая вряд ли появляется в этом семействе, это идея самой человеческой речи в отличие от звука в целом.

Я поэтому добавляю дополнительную гипотезу к тем, которые я уже сформулировал, т.е. то, что оригинальная **guṇa**, или впечатление на ум, создаваемая естественно и автоматически семенным звуком (в данном случае согласным звуком **d**), прилагалась преимущественно к

простым категориям чувственного наблюдения, контакту, звуку, свету, движению и действию, включая речь¹, чувство и, возможно, вкус и форму. Сейчас это – не более, чем гипотеза, ибо другие звуковые семейства должны быть проэкзаменованы, прежде чем эта гипотеза может быть установлена или отвергнута как несостоятельная. Я выдвинул её здесь для полноты. Не следует предполагать, что это восприятие ментальных или чувственных звуковых значений, определённого впечатления, оказываемого на ум-чувство определённым нечленораздельным звуком, вырабатываемым и обособляемым на человеческом языке, или же его систематическое применение к категориям чувственного наблюдения осуществлялось по желанию, сознательно или в результате интеллектуального обоснования в людях, которые первыми формировали свои высказывания в вокабулах арийской речи. Природа, чем бы Природа ни была, ведёт бессознательное дерево и цветок, нерассуждающее насекомое и животное к самовыражению, к самоорганизации, к самоэволюции, и результат превосходит лучшие преднамеренные усилия человеческого интеллекта. Почему она не может делать то же самое для человеческой речи? Вместо того, чтобы говорить, что люди применяют **guṇa** определённого звука к ощущениям, которые они хотят выразить, давайте скажем, что как в растении, дереве и животном звук сам, – силой Природы, законом своей собственной деятельности, **svadhām anu, ṛtūṃranu**, «согласно своей собственной самоорганизации в прямой линии присущей, неотъемлемой истины вещей» и с помощью полусознательного отзывчивого пробуждённого разума, – применял себя, состоя на службе ума, к различным классам чувственного наблюдения, которого запрашивал пробуждённый

¹ Речь – уже не об одном семействе **d**, а о языке в целом, поэтому включение речи не противоречит её исключению в последнем предложении предыдущего абзаца. – Перев.

человеческий менталитет. Я не говорю, что это – окончательная или полная истина предмета. Однако это – лишь часть или аспект его истины, хоть как-то соотносящийся с нашим нынешним подходом к Природе как слепой силе, работающей в материи из несознания через полусознание в полностью сознательную деятельность. Это – только теория, которая, если она сможет установиться, заслуживает, как кажется мне, того, чтобы называться в современном смысле рациональной и научной, ибо она основывается на двух естественных движениях, которые образуют речь, на физических движениях артикуляции и на ментальных движениях, частично чувственных, частично селективных, которые сопровождают эти физические движения. И она ищет своего установления уменьшением отношений между этими двумя движениями до классифицированного порядка и установленного правила.

.. et Roots:

Primary

est, est

- est

est - placing, holding, containing, causing the

est: virtues, moral virtue (of virt^o)
(virtuous, virtuous)

est: wealth, property

est: holding
(Bosch's Babel)

est

est to seize, take hold of, take .. v. long carrying
hold of, sustain, keep .. uphold, maintain
have, possess

est: cause, purpose, motive .. to perform, to
put, place, set, lay

est: estimable, estimate
- estimator
- bush, pillar, column
- Bohemian

est: or
- hard social

est: v. estimator
- estimate, engraving, element .. part, portion
- scansion, kinship
- mineral, metal, ore .. and third mineral
- useful work

est: sink .. reformer, think

est: organ of sense .. sensation

est: bone

est: portable, alkali

est: est (red in)
est: est (red in)
est: est (red in)

est: f: make, create

est: make, create, originate, author .. arrange
- bronze, preserve, support
- Bohemian, Bohemian, the soul

est: adhesion, formation of an acid woman

est: oval, receptacle

est: nurse, mother, the earth

est: foster mother
- nurse

est: receptacle, is an
- nursing, nourishment

est: side of a habitational

Глава III

Мы, однако, ещё не сделали последний шаг в нашей теории. Ибо как есть семейства слов, семейства корневых звуков, семейства простых звуков, так есть и семейство семенных звуков. Эти семейства известны всем грамматистам и в санскрите они различались с преданной и особой заботой и были связаны с теми частями органа речи, которые играют решающую роль в их артикуляции; но их связи с [. . .]¹, похоже, никогда не изучались. Семенной звук **D** принадлежит к группе, называемой дентальными, которая состоит в санскрите из глухого **t**, звонкого **d**, придыхательных **th** и **dh** и денто-назального **n** – ибо каждая группа согласных (кроме плавных, шипящих и изолированного придыхательного **h**) состоит из пяти членов, из глухого согласного, стоящего первым в группе, из последующего звонкого, каждый из которых дополнен своим соответствующим придыхательным звуком, а также из назального, завершающего группу. Санскрит имеет три сибиланта и даже их от относит к полным группам; **s** – к дентальным, **ś** – к палатальным и **ṣ** – к церебральным. Встаёт вопрос, связаны ли эти группы только в звуке? или они связаны также и в **guṇa**, а поэтому и в смысловой тенденции? Если есть какое-то здоровое зерно в теории, в которой я продвигался, то, – как мы нашли семейства слов объединёнными в одно корневое семейство с одним перманентным корнем (таким как **dal**, **dah**, **dabh** и т.д.), а эти корневые семейства объединёнными через родительский корень в одно примитивное корневое семейство, **phratrīa**, или братство (как [**dal**, **dah**, **dabh** и т.д. объединены] в семейство **da**), с одним родительским простым корнем, а эти примитивные братства (**da**, **di**, **du**, **dr**) объединёнными через их родительский корень в один клан с одним

¹ Два или три неразборчивых слова. [*Прим. редакторов англ. издания*]

родительским семенным звуком (**d**), – так мы должны также найти родственные кланы объединёнными через их управляющий звук в едином племени, основанном на родстве родительских семенных звуков. Звук **d**, будучи тесно связан со звуком **dh**, должен содержать ту же **guṇa** и поэтому нести вместе с ним схожие интеллектуальные значения, и, – хотя совпадение здесь может быть меньшим, – **t**, **th** и даже **n**, хотя последнее более сомнительно, могут быть недалеко в **guṇa** и в значении от слов-кланов **d** и **dh**. Мы должны сейчас перейти к экзаменации фактов и решить, как наша теория проходит этот последний и окончательный тест.

Первым мы возьмём придыхательный звонкий дентальный **dh**. В последней главе я провёл читателя весьма беспорядочно через словесные джунгли, показывая, по мере нашего продвижения, как разные деревья образуют группы, все принадлежа семействам одного вида. В этой главе, раз теория была найдена, произрастая сама собой по ходу нашего прогресса, мы сможем проследовать с бóльшим порядком и методом; мы можем собрать наши образчики и представить их готовыми и отсортированными для экзаменации и даже говорить с большей уверенностью о точной природе их связей.

Самым обычным значением корней **d**, значением, которое мы нашли столь всепроникающим, что сперва мы были склонны принимать его за *корневое* значение, – была идея насильственного разделения или разрывающего¹ давления, разрушения, особенно в значении «вредить, убивать, ранить, разрушать; поражать, приносить горе, причинять боль; вскрывать, раскалывать, расщеплять; предавать, обманывать и т.д.» Находим ли мы те же значения или ту же тенденцию в семействе **dh**?

Мы находим **dhṛāḍ**, разделять, раскалывать или срывать (цветы); мы находим **dhvāṅkṣa**, плотник; но мы не находим никаких других слов

¹ Неуверенное прочтение. [Прим. редакторов англ. издания]

с точной идеей раскалывания, вскрытия или отрезания – нехватка, имеющая определённую важность для надлежащей оценки **guṇa** семенного звука **dh**. С другой стороны, значение нанесения вреда, ранения, убивания, причинения боли является достаточно обычным. Мы имеем **dhakk**, разрушать, уничтожать; **dhanus (dhanu)**, лук или лучник; **dhṛṣ** (заметьте, что **dharma** тоже встречается в этом значении, но это не доказывает что идея лука – это «вещь, чтобы держать», ибо **dhṛ** имеет и другие значения, «пить, течь», и его вторичные корни означают вредить, убивать, увечить) и его дериваты, вредить, увечить, обижать, оскорблять, атаковать, попираť; **dhāṭṭ**, атакующий, нападающий; **dhū**, обходиться грубо, ранить; **dhur**, страдание или бедствие; **dhurv** и **dhūrv**, вредить, увечить, убивать; **dhūr**, вредить, убивать; **dhūrta**, **dhattūra**, **dhustura**, белые колючие яблоки¹ (с опьяняющим и одурманивающим снадобьем из них); **dhūlaka**, яд; **dhorita**, ранящий, вредящий, поражающий; **dhru** и **dhvṛ**, убивать; **dhvamṣ** и его дериваты, гибнуть, пасть, тонуть; также разбрасывать или разбрызгивать. Мы находим **dhikṣ**, быть встревоженным, усталым; **dhyaṃa**, загрязненный или нечистый (испорченный, увядший); **dhṛākh**, быть сухим, иссохшим; **dhūka** и **dhava**, жулик или жульничество; **dhipsu**, обманчивый; и **dhī**, **dhīti**, не считаться, не уважать. Мы находим простое значение тяжёлого или сильного давления в **dhāv** и его дериватах, тереть, очищать, полировать; и в **dhvṛ**, гнуть, которое мы уже упоминали со значением убивать.

Этот урожай не столь обилен, хотя и не совсем скуден, и это имеет своё значение. Мы можем отметить также значение давания в **dhartram**, жертва; **dhāyu**, щедрый; и **dhenu**, дар, подарок; но мы должны также отметить, что впечатлением здесь является, скорее, впечатление размещения, чем распределения.

¹ Дурман вонючий (*Datura stramonium*).– Перев.

Но затем мы наблюдаем, что значение давления, столь скудное в других отношениях, даёт более щедрые результаты в двух особых значениях, в двух конкретных видах сильного и настойчивого давления,— трясти или возбуждать и дуть. Мы имеем **dhū** и **dhu** со множеством дериватов, означающих ударять, ажитировать, стряхивать, сдувать, зажигать или возбуждать и, прямо или от значения толкания, сопротивляться или противостоять; мы имеем **dhūnana**, **dhūka** и **dhavāṇaka** в значении ветра; **dhūli**, несомая пыль или земля и производные значения дыма, тумана, курений и т.д. в **dhūpa**, **dhūma** и в их дериватах,— **dhūma** означает также извержение, а **dhūp** — неясный или омрачённый; **dham** со своими дериватами, дуть, и, связывая эти корни со значением причинения вреда или боли, мы имеем **dhamana**, жестокий. Определённая идея деятельности, труда или усилия появляется смутно, как и в **d** семействе, в **dhmā**, производить, и **dhūma**, место, подготовленное для строительства (*cf.* греческое ἰδρύω [**hidruō**]¹, я строю), но, как и в семействе **da**, значение проступает не очень рельефно. Мы, похоже, имеем также значение покрывания, отсекания в **dhārā**, ночь (также означает лезвие, край) и, вероятно, в **dhvāntam**, темнота. Но **dhvāntam** может также идти от идеи толщины, плотности, более подобающей этому семейству. Здесь мы снова находим различие между **dh** и **d**.

Другой класс значений, который мы замечаем в семействе **da**, это тот, который выражает движение некоего рода, и мы постигаем, что быстрое, пересиливающее давление движения было оригинальной идеей в этом семействе. В клане **dha** тоже есть определённое количество слов, передающих прямо или косвенно идею движения. Как мы имеем там **dru**, бежать, так здесь мы имеем **dhāv**, бежать, скользить, нагружать, течь, давать молоко, мыть. Мы имеем **dhunayati**, потоки; **dhuni** и **dhena**, означающие реку; **dhena** и **dhīra**, океан; **dhārā**,

¹ Неуверенное прочтение. [Прим. редакторов англ. издания]

Глава III

означающее поток, течение, ливень, шаг лошади, колесо (*cf.* **dalbha** и др.); **dhūma**, метеор; **dhor**, бежать или рысь (лошади), с его дериватами; **dhoraṇi**, серия, традиция; **dhārā**, традиция, слава или молва, линия, серия (но здесь идея продолжения можем быть источником); **dharuṇa**, вода; **dhras**, подбрасывать; **dhūr**, **dhvaj**, **dhrā**, **dhru**, все в значении ходьбы или движения; **dhraj**, идти или двигаться; **dhraji**, скольжение, постоянное движение; **dhrāji**, импульс, шторм или ветер. Очевидно, что здесь имеется великий акцент не на силе движения, хотя он иногда появляется, а не его постоянстве¹.

Не окончено

¹ Возможно, из-за придыхания, добавляющего продолжительность звучанию, а также созвучного со звуком ветра?– Перев.

Арийские истоки

Элементарные корни языка¹

Элементарные корни языка лежат в звуках, гласных или полугласных корнях, и в тех значениях, которые передают фундаментальную идею бытия, нагруженную родственными и непосредственно проистекающими идеями субстанции, которая превалирует, и движения, связывающего пространство и время, через которое существо выражает себя, в которых оно существует и взаимодействует в различных точках с другими. Эти идеи, прирождённые в знании, прорабатывались бы в примитивной расе смутно, медленным процессом, из инициального выражения непосредственных чувств, переживаний, ощущений и нужд. Но те, кто говорил на арийском, не были, согласно моей теории, всецело примитивными и неразвитыми. Они развили язык из эссенциальной силы звуков, которые они использовали со своего рода философской гармонией и с рациональным порядком. До определённой степени они организовали язык в его развитии вместо того, чтобы просто позволить ему развиваться случайным образом свою собственную организацию.

Элементарными гласными корнями, которые интересуют нас, являются корни **а** (**ā**), **і** (**ī**), **u** (**ū**) и **ṛ** (**ṛ**), и полугласные корни **V** и **Y** семейств. Модифицированные гласные **е** и **о** являются в арийских языках вторичными звуками, объединяющими **а** и **і**, **а** и **u**. Дифтонги **ai** и **au** с их греческими вариациями **ei** и **ou** являются третичными модификациями [*звуков*] **е** и **о**. Другая соединённая гласная **īṛ** является пережитком из более древнего порядка, в котором **і** и **ṛ** не меньше, чем

¹ *Aryan Origins: The Elementary Roots of Language* // Sri Aurobindo. Arches and Research: a biannual journal / Sri Aurobindo Ashram Trust, Pondicherry.– vol.2, December 1978, No 2, pp. 155-156.– Перев.

v и **y**, рассматривались как полугласные или, скорее, либо как гласные, либо как согласные в зависимости от использования. **R** как гласный выжил в гласном **r**, **I** как отдельная гласная погиб, но его полугласное значение выжило в метрической специфике латыни, малозаметный след которой выжил и в санскрите, благодаря которой **I** и **r** в соединённом согласном могут влиять или не влиять по желанию на размер предшествующего слога.

Сперва я рассмотрю гласные корни. Их четыре, **a**, **i**, **u** и **r**, и все они указывают преимущественно идею бытия, существования в некоем элементарном аспекте или модификации, внушённой присущим качеством или **guṇa** звука. **A** в его краткой форме указывает бытие в его простоте без какой-либо дальнейшей идеи модификации или качества, простое или инициальное бытие, использование пространства; **i** – интенсивный статус существования, суженного, полного силы и настойчивого, тяготеющего к цели, стремящегося занять пространство; **u** – широкое, распространившееся, но не рассеянное состояние существования, будучи промежуточным и прочно оккупируя пространство; **r** – вибрирующее состояние существования, пульсирующее в пространстве, будучи активным у какой-то точки, находясь в каких-то границах. Удлиненные формы этих гласных лишь добавляют бóльшую интенсивность значению оригинальных форм, однако удлинение **a** модифицирует [*значение*] более глубоко. Оно вносит значение пространства, уже созданного и занятого диффузией простого состояния бытия – рассеянное или распространённое состояние существования. Эти значения являются, я полагаю, извечно врождёнными в этих звуках и сознательно или неосознанно обуславливающими их использование в языке теми, кто говорит на арийском. Чтобы последовать этим развитиям и модификациям, необходимо взять эти корни, один за другим и в их дериватах.

Из настойчивого свидетельства санскритского языка ясно, что к инициальной идее существования арийцы добавляли как фундаментальные обстоятельства бытия дальнейшую идею движения,

контакта, звука, формы и действия, и есть немного корневых семейств, в которых нет и шести субстанциональных идей, которые формировали стартовую точку всего дальнейшего развития использования и значения.

Ни сам корень **a**, ни его удлинённая форма **ā**, не появляются как подлинный глагол ни в одном из известных арийских языков, но в тамильском мы находим корень **a** (**akiradu**, как он описывается в тамильской системе) в значении быть и с определённым числом производных значений. Неличные формы глагола, сформированные из этого глагола, **āka** и **āna**, используются в языке, чтобы дать смутное прилагательное значение словам, к которым они прикрепляются, или модифицировать предыдущее адъективное значение.

Не окончено

Формирование слова

из Материала для полной филологической реконструкции древнего арьябхаши, из которого все индо-арийские и дравидские языки произошли

Язык человека создан не на земле, а на небесах, как, в действительности, все вещи, которые земная душа использует в этом смертном путешествии. Тройной энергией вечной истины, проявляющей силы и поддерживающего восторга¹ всё сотворено как тип в мире идей, в **mahat**-е древних², в принципе самоподдерживающегося и совершенно организованного знания, и различным образом развивается более непоследовательными и менее твёрдо стоящими на ногах посредниками интеллектуального разума. Воображение гоняется за новыми вариациями, память и ассоциация искажают, аналогия искривляет, чувство, эмоция, удовольствие хватаются за острое и частичное удовлетворение. Отсюда изменение, разложение, смерть, перерождение,— закон мира. Всё это происходит при спуске в мир ума и мир материи. Поэтому человеческий род имеет один оригинальный язык, основанный на определённых вечных типах звука, развитый определёнными законами ритмической вариации, совершенным образом гармонизированный и симметричный в своей структуре и эволюции. Это – **devabhāṣā**³, и на нём говорят в Сатьяюгу. Затем от претерпевает изменение, стирание, коллапс. Рождаются бесчисленные языки, диалекты, жаргоны. Стражи священного языка всё время пытаются вернуть назад раннюю чистоту, но даже они не

¹ Сат, Чит, Ананда.– Перев.

² Суперразум, Сатьям Брихат.– Перев.

³ Божественная речь (*санскр.*)– Перев.

могут этого сделать; они реконструируют его время от времени, идут на компромисс с новыми тенденциями, сохраняют что-то от скелета, теряют плоть, жилы, многое от силы и духа. Этот реконструированный язык называют санскритом; или даже прапракритом.

Хребет этого скелета состоит из корней изначального языка, которые выжили; остальное – разные принципы словесной формации. Соответственно в языках мира, которые стоят ближе всего к древнему тайному языку, – в древних арийских языках, – есть один общий элемент, корни, элементарные словесные формации из этих корней и столько от изначального значения, сколько выжило в разнообразии ментального развития, идущего в различных направлениях и с различными целями. Цель этой работы – предоставить обоснованный базис, возведённый на фактах древних языков, санскрита, греческого, латыни, немецкого, кельтского, тамильского, персидского, арабского, для частичной реконструкции не изначального **devabhāṣā**, а самых поздних форм, изначально общих в вариациях этих языков. Сперва я возьму четыре языка, санскрит, греческий, латынь и тамильский, чтобы построить свою схему, а затем поддержу её четырьмя другими языками. Я опущу всю аргументацию и обсуждение возможных возражений, потому что цель этой работы носит лишь суггестивный и конструктивный, не апологетический характер. Когда вся схема будет объявлена и проработана более исчерпывающим образом, чем это возможно в тех пределах, которые я установил для себя здесь, тогда придёт время и для дебатов. В случае незавершённой экзегезы это было бы преждевременным.

Сперва я укажу принцип, на котором корни **devabhāṣā** были сформированы. Вся Шабда¹ (**vāk**) как она проявлена из **ākāśa**² силой

¹ **śabda**, речь (*санскр.*). – Перев.

² эфир (*санскр.*). – Перев.

mātariśvan-a¹, великой и созидательной энергии, и поставлена на место в потоке сформированных вещей (**apas**²), несёт с собой определённые точные значения (**artha**). Они обусловлены элементами, через которые он проходит. **Śabda** появляется в **ākāśa**, путешествует через **vāyu**, второй элемент, в котором **sparsā** является вибрацией; посредством вибрации, **sparsā**, она создаёт в **tejas**-е, третьем элементе, определённые формы, и тем входит в бытиё с этими тремя характеристиками, во-первых, с определёнными контрактными вибрациями, во-вторых, с определённого рода **tejas**-ом или силой, в-третьих, с определённой формой. Они обуславливают **bhāva**, или главное чувство, которое она создаёт в уме, и из этого чувства развивает свои разнообразные точные значения в соответствии с формой, которые она использует для созидания.

Не окончено

¹ Тот, кто движет, дышит, расширяется бесконечно в материнском элементе; универсальная Жизнь-Сила, эпитет Вайю (*санскр.*).– Перев.

² воды (*санскр.*).– Перев.

Система ведической психологии

Введение

Успехи Европейской науки отбросили тень своего авторитета и престижа на спекуляции европейских филологов, ибо европейская мысль кажется сомкнутой плечом к плечу армией, марширующей на завоевание мира, и мы, кто несёт ярмо её тирании, мы, кто парализован этими чарами и одолён этим доминированием, почти утратили способность думать сами, и принимаем без разбору всех её обозных служащих или нерегулярных волонтёров за авторитеты, которым мы должны подчиниться. Мы отражаем в наших полученных из вторых рук представлениях слабые части европейской мысли наравне с сильными; не делаем различия между теми из её идей, которые ратифицировала вечная Истина, и теми, которые изобретательностью и предположением пленили на недолгий срок человеческое воображение. Великая часть европейской науки (её открытия, не интеллектуальные обобщения), принадлежат к первой категории; великая часть выводов европейской филологии – ко второй. Лучшая европейская мысль сама не имеет иллюзий на этот счёт. Один из величайших европейских мыслителей, Эрнст Ренан, который начинал свои исследования в области Сравнительной Филологии с самыми золотыми и экстравагантными надеждами, был вынужден в конце своей жизни, наполненной самым ревностным и серьёзным трудом, подытожить главные дела своих дней в формуле взвешенного разочарования: «маленькая предположительная наука». Другими словами, не наука вовсе, ибо наука, построенная на предположениях, настолько же невозможна и противоречит себе, как дом, воздвигнутый на воде. Собственные работы Ренана содержат красноречивое подтверждение истины его окончательного вердикта; те, которые подводят итоги его научных поисков, читаются во многом как масса учёного сырья, даже лучшие из них более не авторитетны и не

валидны; те, которые выражают субстанцию или тень размышлений его жизни полны неуядаемой красоты и ценности. Общее мнение Европейской Науки согласно с опытом Ренана и заходит даже дальше; в вокабулярии немецких учёных слова «филология», «филолог» несут действительно уничижительный и презрительный смысл, и среди серьёзных мыслителей чувство банкротства Сравнительной Филологии столь велико, что они отрицают даже возможность этимологической Науки. Без сомнения, в некоторых из этих взглядах имеется элемент преувеличения; но именно здесь Сравнительная Филология, Сравнительная Мифология, этнология, антропология и родственные им «науки» в огромной мере являются массой предположений, – зыбучими интеллектуальными трясинами, в которых мы не можем найти надёжной почвы. Только воздушные крылья изобретательного воображения могут принести нас на эту мерцающую поверхность и обманывать нас представлением, что это – та почва, которая поддерживает наше движение, не эти крылья. Там есть тонкий, но здоровый субстрат истины, который высвободится однажды из предположительного мусора; но нынешнее состояние этих предположительных наук не лучше, а куда хуже, чем состояние европейской химии в дни Парацельса. Но мы в Индии находимся под влиянием чар европейской филологии; мы захвачены её изобретательностью, храбростью и самоуверенностью, изобретательностью, которая способна придать правдоподобие абсурду и телесную видимость несуществующему; храбростью, которая не медлит, поднимая самые впечатляющие теории на основании нескольких несвязных фактов; самоуверенностью, которую даже постоянная смена её собственных мнений не может смутить. Более того, мы имеем естественную предрасположенность склоняться перед интеллектуальностью учёного (Пандита): словесная изобретательность, неясные объяснения, надуманные глоссы имеют куда больший вес для нас, которые отсутствие непрерывности наших старых научных активностей и дисциплинированных

экспериментальных методов достижения субъективной истины увеличили, а наша избыточная склонность к просто вербальной метафизике решительно подтвердила. Не удивительно, что образованная Индия должна была, молча или выражено, принять, даже в предметах такой первостепенной важности для нас, как реальное значение Вед и Упанишад, полупокровительственные и полувысокомерные взгляды европейского учёного.

Что это за взгляды? Они представляют нам Веду как массу натуралистических, ритуалистических и астрологических причудливых образов, аллегорий и метафор, грубых и варварских в субстанции её мысли, но более искусственной и изобретательной в своих определённых идеях и фантазиях, чем самые искусственные, аллегорические образчики александрийской поэзии, которые только могут быть найдены в мировой литературе, – странно несвязная и кричащая беспорядочная смесь, не имеющая параллелей в ранней литературе любой другой нации, – результат эксцентричной психологической встречи раннего варвара с современным астрономом и сравнительным мифологом.

Есть ли, или может ли быть система ведической психологии? Для нас, которые подчинены сегодня престижу европейской мысли и науки, Веды являются документом примитивного варварства, античная Веданта – массой тонких, но недисциплинированных спекуляций. Мы можем допустить существование многих глубоких психологических интуиций в Упанишадах; в эпохе же, которую мы были научены рассматривать как великую, но примитивную и неразвитую, мы едва ли готовы видеть возможность глубокой и разумной системы в предмете, из которого Европа со всем её современным научным знанием была неспособна развить реальную науку. Я полагаю, что этот текущий взгляд на тех ведийских праотцов полностью ошибочен и поднимается из-за нашего наложения на них ложной системы психологических и интеллектуальных ценностей. Европа сформировала определённые взгляды относительно Веды и Веданты, и

преуспела в навязывании их индийскому интеллекту. Лёгкость, с какой это подчинение было осуществлено, не удивительна; ибо уже сам объём труда исследователей Веды производит впечатление, его изобретательность филологической спекуляции была рассчитана на то, чтобы ослеплять своим блеском не критичный ум, а смелость и самоуверенность, с которой он конструировал свои теории, скрывали предположительную неуверенность их оснований. Когда сотня имеющих мировую известность учёных кричит: «Это так», тогда, действительно, для среднего ума и даже для умов выше среднего, но неискущённых в этих специальных предметах, трудно не согласиться. Не было там и какого-либо соответствующего труда учёного, прилежного и здравого исследования, которое могло бы противопоставить блестящим и рискованным обобщениям современного исследования санскрита результаты более совершенной системы и более пронизательного взгляда. Единственная попытка в этом направлении, – попытка Свами Даянанды, – была не того рода, чтобы вызвать доверие у бесстрастного суждения Потомков, которое должно последним судьей этих диспутов; ибо этот великий Пандит и пылкий диспутант был не только не оснащён широкой лингвистической и филологической учёностью, необходимой для его работы, но его метод был, скорее, скор, нетерпелив, полемичен и подчинён определённым фиксированным религиозным идеям, чем осуществлялся в спокойной беспристрастной свободе внимательного и непредвзятого мыслителя и учёного. Разбирательство сосредоточилось на Веде и Веданте, изначально решив дело в пользу схоластической критики Европы, которая одна предстала перед этим судом современного мнения.

Тем не менее, должно прийти время, когда индийский ум стряхнёт тьму, которая опустилась на него, перестанет держаться мнений, полученных из вторых и третьих рук, и восстановит своё право судить и выяснять в совершенной свободе смысл своих собственных Писаний. Когда этот день придёт, мы должны будем, думаю,

обнаружить, что навязанная структура ведийской теории базируется ни на чём более здоровом или истинном, чем на основаниях свободно расплодившейся массы предположений. Мы поставим под вопрос многие установившиеся филологические мифы, – например, легенду об арийском вторжении в Индию с севера, искусственное и неприязненное¹ [?] различие между арийцем и дравидом, которое заблуждающаяся филология вбила как клин в единство гомогенной индо-афганской расы; странную догму о «генотеистичном»² ведийском натурализме; изобретательные и блестящие экстравагантности ткачей современного солнечного и звёздного мифа, и более... поспешную и привлекательную генерализацию, которая, после краткого периода невопрошающего приятия легко склоняемым интеллектом человечества, обязана удалиться в лимб³ забытых теорий. Мы придаём излишнее значение и ценность эфемерным заключениям европейской филологии, потому что она систематична в своих

¹ В оригинале – inimical. – Перев.

² Поклонение одному богу при признании множества богов, – одна из ошибочных европейских интерпретаций ведийского поклонения одному богу через всех богов и во всех богах. Веда говорит: «Существующий – Один, но мудрецы выражают Его по-разному; они говорят Индра, Варуна, Митра, Агни; они зовут его Агни, Яма, Матарिशван» (1.164.46). Шри Ауробиндо пишет в *Тайне Вед*: «боги являются только разными именами и выражениями одного универсального Существа, которое в Его собственной реальности превосходит вселенную; но из языка гимнов мы вынуждены постигать в богах не только различные имена, но и различные формы, силы и персональности одного Дева. Монотеизм Вед включает в себя также монистические, пантеистические и даже политеистические видения космоса, и никоим образом не является четко очерченным и простым кредо современного Теизма». – Перев.

³ limbo, в данном контексте слово несёт два значения: 1) в средневековом католицизме (в современном это понятие отвергнуто): место, куда попадают души, не могущие попасть ни в рай, ни в ад; 2) место для ненужных, забытых вещей. – Перев.

ошибках и претензиях на то, что она является наукой. Мы забываем или не знаем, что претензии филологии на звание науки и на научный авторитет презрительно отвергаются европейскими учёными, само слово «филология» является пренебрежительным словом или псевдонаучным жаргоном. За пределами одного или двух обобщений мутаций, претерпеваемых словами в их прогрессе через различные арийские языки, и некоторого числа грамматических уточнений и переорганизаций, приведшим к более или менее произвольному видению лингвистических..., современная филология не открыла ни одного действительно обязывающего закона или правила для своего собственного руководства. Она установила один или два надёжных указательных столба;— остальное есть спекуляция и предположение. Мы, поэтому, не обязаны совершать поклонение в храме Сравнительной Науки и Сравнительной Мифологии и предлагать на эти сомнительные¹ [?] алтари Веду и Веданту. Вопрос Ведического знания² [?] и смысла Веды ещё лежит открытым. Если интерпретация Саяны ведических текстов во многом носит характер предположения и, скорее всего, часто бывает ошибочной и нездравой, то и европейская интерпретация не может претендовать на лучшую определённую. Более живая изобретательность и производящая впечатление упорядоченность европейского метода предположения может быть принята; но изобретательность и аккуратность, хотя и являются хорошей помощью исследованию, сами по себе не являются гарантией истины, а предположение не перестаёт быть предположением оттого, что оно было трудолюбиво оправдано или блестяще поддержано. Это именно на базисе чисто предположительного перевода Вед Европа представляет нам эти

¹ В оригинале – dubious.– Перев.

² В оригинале – lore.– Перев.

блестящие картины ведической религии, ведического общества, ведической цивилизации, которые мы так пылко принимаем и, не задавая вопросов, воспроизводим. Ибо мы принимаем их за форму бесспорной истины, тогда как в действительности они – не более чем блестяще раскрашенные гипотезы,– картины из воображения, не из жизни.

Когда древние мыслители Индии садились, чтобы изучать душу человека в себе и в других, они, в отличие от любой другой нации или школы ранней мысли, проходили сразу... Их целью было изучить, организовать и использовать формы, силы и работающие движения сознания, точно так же, как современные физики изучают, упорядочивают и используют формы, силы и работающие движения объективной Материи. Материал, с которым они должны были иметь дело, был более тонким, гибким и вариабельным, чем в случае самых неосознаемых из тех сил, что стали осознаваться физиками; его движения были более ускользящими, его процессы было труднее зафиксировать, но раз уловленные и установленные, движения сознания были найдены ведийскими психологами находящимися в их процессе и активности такими же регулярными, доступными управлению и использованию, как и движения физических сил. С силой души можно прекрасно обходиться, и она может так же надёжно, методично и мощно направляться на практические жизненные цели слова, силы и света, как современная сила электричества может использоваться для человеческого комфорта, индустриальной и двигательной силы и физического освещения; но результаты, которым они дают место и которые они производят, являются более чудесными и важными, чем результаты движущей силы и электрического освещения. Ибо нет различия сущностного закона в физическом и в психическом, а лишь различие, и, несомненно, великое различие, энергии, инструментария и точного процесса. Ибо Всевышнее Существование, которое выражает себя равно в душе и в материи, движется по одному фундаментальному

принципу на всех своих семиричных уровнях¹ и даже с одним набором промежуточных процессов; но оно варьирует их детальную организацию и органичное функционирование, чтобы соответствовать материалу, которое оно использует, и цели, которую оно ставит перед Собою в Его божественном движении.

Точное наблюдение и нестеснённый, хотя скрупулёзный эксперимент являются методом каждой истинной науки. Не просто наблюдение само по себе,— ибо наблюдение без эксперимента, без анализа и новой комбинации ведёт к ограниченному и ошибочному знанию; часто оно порождает эмпирическую классификацию, которая ни в малейшей мере не заслуживает названия науки. Старая европейская система психологии была именно такой псевдонаучной системой. Её наблюдения были поверхностными, её термины и классификация произвольными, её цель и дух абстрактными, пустыми и схоластичными. В нынешние времена другая система и метод были основаны; но пороки старой системы сохраняются. Наблюдения были несвязными, частичными или нездоровыми и абнормальными; генерализации намного более широки, чем их узкий пласт наблюдавшихся данных; абстрактное и схоластическое использование психологических терминов и старых метафизических идей касательно психологических процессов всё ещё держат повязку на глазах младенческого знания, искажают его истину и мешают его прогрессу. Эти старые ошибки странным образом переплелись с новым заблуждением, которое грозит испортить всё изучение,— заблуждение материалистической предрасположенности.

Не окончено

¹ sat, cit, ānanda, vijñāna, manas, prāṇa, ann.— Перев.